

Константин Фрес

**Отвергнутая невеста.
Хозяйка заброшенного дома**

«Литнет»

2024

Фрес К.

Отвергнутая невеста. Хозяйка заброшенного дома / К. Фрес —
«Литнет», 2024

Вот же угораздило попасть! Отец умер прямо в день моей свадьбы. Мачеха и сестры получают все, а я... Я бесправная нищенка. И приданого теперь у меня нет. Единственный шанс хорошо устроиться здесь – это выгодно выйти замуж. Но жених мой сбежал, отобрав помолвочное кольцо и... оставив на руках ребенка! Единственное, чем я теперь владею, это полуразрушенный старый дом. И слава у него дурная. Замерзну ли я, пропаду ли от голода, или сумею обустроиться и справиться со всеми бедами? А также найти свое место в этом странном мире. И, вероятно, свою любовь

Содержание

Глава 1. Ненужная невеста	5
Глава 2. Вот это попадание...	13
Глава 3. Планы на будущее	21
Глава 4. Первые гости дома	35
Глава 5. Семь раз отмерь, один раз отрежь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1. Ненужная невеста

— Матушка! Но как же вы можете?!

Мачеха довольно жмурится, словно кошка.

Похлопывает черным траурным веером по ладони.

Осматривает меня с головы до ног, презрительно, с гадливостью.

Словно я выпачкана грязью. Словно я нищенка с паперти, вся в болячках и блохах.

— Извини, но закон на моей стороне, — говорит она. — Здесь все принадлежит мне!

Могу, и легко, дорогая!

Пытается сделать голос сочувствующим, но выходит у нее плохо.

Ликующие нотки все равно прорываются.

Кажется, она сейчас разинет рот до ушей и расхохочется мне в лицо.

Она отняла разом все мое наследство. И приданое придержала.

Я осталась гола и боса.

И всего-то у меня добра, что красивое подвенечное платье, надетое на меня.

Но свадьба не состоялась.

Вместо алтаря я пошла к постели умирающего отца, и он испустил дух у меня на руках.

— Для нас смерть твоего отца, моего дорогого мужа, такой же удар, как и для тебя, — мачеха прикладывает платочек к глазам, а сама беззвучно смеется!

Радует его смерти!

— И в этот трудный для всех час ты еще умудряешься закатывать скандалы? Сердца у тебя нет!

— Скандалы?! Да вы же обрекаете меня на голодную смерть!

Но она не слушает меня.

Продолжает ломать слезливую комедию.

— Избалованная, испорченная девчонка! — бормочет она. — Всегда знала, что ты та еще дрянь! Как же искусно ты маскировалась! Прикидывалась кроткой овечкой!

Выговаривает мне все это, а сама торжествует.

Ее желтое, сухое лицо с обвисшими щеками противно трясется от радости.

Ведь теперь все наше имущество принадлежит ей.

И делиться со мной ее не заставит никто и ничто.

— Но вы не можете выгнать меня на улицу! — от ужаса мне кажется, что я леденею. — Почему я должна уйти из родного дома? Да и куда мне идти?!

Это требование — уйти, — мачеха озвучила сразу, как только врач засвидетельствовал смерть отца.

Я, потрясенная, не сразу поняла, о чем она толкует.

А когда поняла, то чуть не умерла, рухнув рядом с постелью любимого папы.

Сколько лежала в беспомощности, не помню.

Но привели меня в чувство грубо, чуть ли не пинками в бок. Плеснули водой в лицо, заставив захлебнуться.

Поставили на ноги, грубо дергая.

Тычками пригнали из спальни умершего в эту комнату, где была мачеха.

Она стояла там, уже облаченная в черное.

Словно знала, что свадьба не состоится. А вместо церкви мы поедем на кладбище.

Мурашки бегут по моей спине.

Я чувствую, что меня сталкивают в пропасть, и я лечу навстречу своей гибели.

— Но и здесь ты оставаться не можешь, — голос мачехи переменился. Стал стервозным и яростным. — Ах, ах! Бедный мой муж! Не от стыда ли и горя он умер? Это ты его довела!

Маленькая проститутка... Больше-то причин хворать у него не было! Крепкий мужчина, во цвете лет!

Я перевожу растерянный взгляд на люльку рядом с собой.

В ней крохотный малыш сладко спит. Прикрыв невинные синие глаза.

Мой малыш.

Ему от роду пара недель.

Крепкий и красивый мальчик...

И он теперь тоже остается без крова и без средств к существованию?!

— Что обо мне скажут люди?!

— Вы не думали, что они о вас скажут, когда привели в наш дом Юджина!

Но она не слушает мои оправдания.

— Не надо обвинять меня в своем грехе! У меня две дочери! — визгливо восклицает мачеха. — Две взрослые девушки на выданье! А тут ты! Со своим... грязным выродком, — зло и мстительно шипит она. — С ублюдком! Родила вне брака! Незаконнорожденный ребенок! Позор! Люди подумают, что я одобряю такое поведение! Подумают, что в моем доме все девицы так же распущены и легкодоступны, как ты! Я не могу допустить, чтобы о моих девочках такое говорили!

Просто ножом по раскрытой ране!

— Но это же вы, — шепчу я, а по щекам льются слезы, — это же вы завели Юджина в мою спальню!.. Я вас видела!

История моего знакомства с Юджином ужасна и полна стыда.

Мачеха обставила все так, что виноватой осталась я.

Юджин остался у нас после приема. А я почувствовала себя дурно. Клонило в сон и тошнило.

Поэтому я попросилась пораньше уйти и лечь спать.

Сон был тяжелым, душным.

Я металась в постели. Хотела встать, позвать врача.

Но ничего не вышло. Я и рукой не могла двинуть. И позвать на помощь не могла.

Вот тогда-то Юджин и оказался в моей спальне.

Сначала я подумала, что он услышал мои стоны и пришел на помощь. Я увидела его лицо, склоненное надо мной, и потянулась к нему.

Но он вдруг навалился на меня, зажал мне рот ладонью.

— Тише, тише, — шептал он. Его ладони лихорадочно обшаривали мои ноги, и я закричала изо всех сил, понимая, что он собрался сделать. — О, моя дорогая... Как вы хороши! Как давно я желал вас!

Его быстрые неловкие поцелуи были липкими и слюнявыми. Руки — жесткими, жадными и грубыми.

Было ужасно противно, страшно и больно.

Я рыдала во весь голос. Но голос — увы! — был тише писка котенка.

Когда все было кончено, я лежала на постели как изломанная игрушка.

Голова моя неловко свешивалась с кровати. Руки и ноги были бесстыдно раскинуты. Ночная одежда задрана, обнажая мое тело, а постель липкая и мокрая.

Юджин неспешно одевался, повернувшись ко мне спиной.

Он не обращал на меня ни малейшего внимания. Да и на кого обращать внимание? На использованную и откинутую прочь вещь?

Дверь в мою комнату приоткрылась.

В блеснувшем луче света я увидела мачеху. Ее довольное и гадкое лицо.

Ее сальную улыбочку.

Ее мерзкий, торжествующий взгляд.

— Все сделано, — сообщил ей Юджин. — Эрика теперь моя. И навсегда останется моею!

— Очень рада, — проскрипела мачеха, — что смогла вам помочь!

Жаль, что меня никто не спросил, хочу ли я принадлежать кому-то!

Утром за завтраком он, ничуть не смущаясь, объявил о нашем «союзе» отцу.

И о том, что я стала его этой ночью. И о том, что он намерен на мне жениться.

— Что бы вы ни говорили, а Эрика будет моей женой! — твердо произнес Юджин.

Я же была слишком подавлена, чтобы сопротивляться.

Сидя за столом, я чувствовала себя голой, выставленной на площади на всеобщее обозрение.

Голой, опозоренной и незащитной.

Мачеха и сводные сестры с любопытством тарасились на меня, скрывая смешки. Отец бы бледен как смерть.

Но при этом он пытался не потерять лица.

— Значит, будет свадьба, — сказал он тяжелым голосом. — Моя дочь не будет носить позорного пятна.

Не знаю, почему свадьба все время откладывалась. Скорее всего, из-за споров о моем приданом. Отец хотел отдать много земли и самый лучший дом. А мачеха впиалась в него мертвой хваткой и не позволяла.

Юджин же...

Он играл роль благородного влюбленного рыцаря.

— Эрика достойна самого лучшего! — твердил он. — Ей положено жить как королеве!

Тем более, что скоро оказалось, что я в положении.

Да, ребенок появился вопреки моему желанию. От человека, которого я не любила. К которому не испытывала ничего, кроме отвращения, не испытываю.

Но ребенок ведь ни в чем не виноват?

... Не эти ли жадные споры доконали отца?!

— Это вы все устроили! Вы его привели! Вы... отдали ему меня! — кричу я.

Мачеха нервно дергает плечом.

— А своей головы у тебя нет, что ли, — зло огрызается она. — Надо было думать, чем кончатся ваши пашни!

— Чем бы ни кончились, — мой голос окреп, — а мне было обещано поместье у реки и хорошее приданое. Поэтому я требую...

— Милочка, у своего покойного папаши надо было требовать, — небрежно отмахнулась от меня мачеха. — Он завещания в твою пользу не оставил. Отписал все мне. А я тебе не должна ничего!

Ее глаза горели торжеством.

Она нависла надо мной, сухая, желчная, одетая в траур.

Чересчур красивый и элегантный. Такой не пошьешь за день.

Видно, что готовилась давно...

— У меня дочери, — напомнила она. — И мне нужно выдать их замуж поудачнее.

Она рассмеялась, окинув меня презрительным взглядом.

— Ты же знаешь. Удачный брак открывает перед девушкой все двери! Поэтому нужно много золота, чтоб хорошо устроить моих крошек. А для такой потаскухи, как ты, у меня лишних денег нет!

— Но...

— Можешь, кстати, все же выйти замуж за Юджина, — ее желтые, по-волчьи злобные глаза смеялись. — Правда, после положенного траура.

О, нет! Меня замутило оттого, что мне снова придется говорить с этим человеком о браке.

Жить с ним?

Снова оказаться с Юджином в одной постели?..

Меня тошнит от одной только мысли об этом.

— Надеюсь, твой жених окажется приличным человеком. Хотя что-то мне говорит, что он тот еще проходимец. И без денег ты ему не нужна, маленькая потаскушка.

Мачеха торжествовала.

Втапывала меня в грязь и радовалась.

Обзывала грязными словами с видимым наслаждением.

Ей как будто бы была важна эта победа надо мной.

Унизить, обратить в ничто — это было ее целью.

И теперь она была полностью удовлетворена.

— Вы еще смеетесь?! И сомневаетесь в том, что он бесчестен? После того, что он сделал со мной? С вашего позволения?!

— Фью! И что же? Я должна отвечать за поступки взрослого молодого человека? Да он мне никто! Откуда я знаю, что у него в голове!

— Что у него в голове?! А вы не знали, что у него в голове, уложив нас в одну кровать?!

— Блюсти твою честь я тоже была обязана? — смеется она.

Уже откровенно издевается, упиваясь моим смятением и стыдом.

Я слышу, как за дверью надо мной потешаются, смеются сводные сестры.

Они давятся смехом, зажимают рты. Но иногда хохот просто вырывается наружу.

— Так что забирай своего грязного выродка, — холодно заканчивает мачеха, — и иди... вон отсюда. Я не собираюсь кормить два лишних рта.

Это какой-то абсурд.

Так быть не должно.

Неужели никто мне помочь не в силах?!

Впрочем, была одна надежда.

Юджин.

Он, как будто бы, не отказывался от меня.

Узнав о смерти моего отца, он сделал печальное лицо и повторял:

— О, милая... как мне жаль, как жаль! Такое горе!

И ни слова об отмене брака!

Он может помочь мне!

Да что там может — должен! У меня же на руках его дитя, его сын, его наследник!

Юджин был очень рад его рождению. Говорил, что ребенок очень похож на него. И всем необходимым он сына обеспечит.

Стало быть, к нему можно обратиться с просьбой помочь мне деньгами. После траура.

Но, черт подери, где мне жить с ребенком все это время?!

— А что скажут люди, — собираясь с духом, произношу я, — когда узнают, что благородная девица из вашего дома мыкается без прислуги, без крыши над головой?

— О, так это не проблема! — щебечет мачеха, как ни в чем не бывало. — Конечно, дорогая! Меньше двух слуг я не могу тебе предоставить! Это было б неприлично!

Она знаком кого-то подзывает, и я чуть не рыдаю от горя, увидев моих... слуг.

Две служанки, что она мне хочет выделить — это просто насмешка.

Древняя старуха Ивонна, немощная, жалкая. И ее внучка Роза, ребенок совсем. Сирота с изувеченной хромой ножкой.

Девочка ходить толком не может, не то, что прислуживать. Воду понесет — расплещет.

Отец держал и кормил их из жалости.

Мачеха же этого делать не собиралась.

Она безжалостно собиралась выкинуть их вместе со мной, на улицу. Пропадать.

Как мусор.

Избавляется ото всего ненужного в доме...

Рози смотрит испуганно. Ее большие глаза полны слез.

— Я буду хорошо служить, — шепчет она. — Не гоните меня! Не бросайте...

Нет сил смотреть в ее перепуганные, полные слез глаза. Девочка дрожит и всхлипывает, ведь ей наверняка уже сказали, что выставят ее на улицу.

Выбросят, как щенка или котенка, в канаву.

Помирать или побираться — тут уж как повезет.

И я — ее последняя надежда не пропасть.

А одета-то она как!

В какое-то рубище.

Хорошие вещи отобрали! Кажется, даже чулки теплые сняли. Оставили ей чиненные, ветхие, старые. И платьице рваное, некрасивое, серое какое-то.

— Мы будем хорошо служить, — испуганно вторит старая Ивонна, прижимая к себе девочку. — Только не гоните! Не обрекайте на смерть!

— Вот видишь, Эрика, — мерзко хихикнула мачеха. — Я выделила тебе самых верных людей! Они за тобою и в огонь, и в воду. Чем ты еще недовольна?!

Я проглотила злость, едва не лишившись чувств.

Самых верных?!

Самых беспомощных и самых слабых!

Самых голодных и больных!

Людей, о которых мне самой придется заботиться!

— А жить нам где? — уже грубо произношу я. Игры кончились; слезы мои не разжалобят ее каменного сердца.

Она щурит желтые глаза.

На ее тонких злых губах играет недобрая усмешка.

— Ну, есть же Старый Дом, — великодушно произносит она. — Это довольно большой и красивый дом! Заметь, я очень щедра к тебе! Если привести его в порядок, это будет великолепное поместье! Великолепное! Самое красивое из всех, что были у твоего отца! Какая там живописная природа!

Старая Ивонна ахает и бледнеет.

Маленькая Рози раздражается рыданиями; на нее просто истерика нападает.

Она обхватывает бабушку худыми ручонками и плачет навзрыд, словно ее отправили на плаху.

Тут у любого бы сердце остановилось от жалости.

Но не у мачехи.

Старый Дом и в самом деле когда-то был величественным и прекрасным зданием.

Но со временем пришел в упадок.

А все потому, что слава у него дурная. Поговаривают, что там водятся привидения. И они, якобы, душат и убивают хозяев.

Не знаю, насколько это правда.

Но по той легкости, с какой мачеха мне передает этот дом во владение, это, скорее всего, так и есть... Что-то нечисто с этим особняком!

— Вот и бумага готова, — воркует мачеха, словно фокусник, из ниоткуда, раздобыв документы на дом. — Там все твое. И земли вокруг, и ручей, и сад...

Ее голос понижается до интимного шепота. И она почти шепчет, глядя мне прямо в глаза:

— И старое проклятье. Пользуйся, девочка. Все твое, до самой смерти. А сейчас пошла вон, с глаз моих долой! И да — сними-ка это платье. Оно слишком дорого, чтобы отдавать его какой-то нищей потаскухе!

В моей комнате все было вверх дном.

Даже с постели стащено красивое постельное белье.

Шкафы пусты — сестрицы уже с утра выгребли оттуда все платья, все красивые вещи.

Шкатулки валялись разломанные, словно их нарочно топтали ногами. И драгоценностей в них, разумеется, не было.

Собирать вещи практически не пришлось.

Сестры мне оставили лишь несколько ношенных сорочек да пару платьев. И те нарочно изорвали и истоптали.

Старая Ивонна и маленькая Роза следовали за мной неотступно, словно тени.

Пока я, потрясенная, стояла посреди своей комнаты, не зная, что тут можно взять, мои новоиспеченные служанки кинулись собирать буквально все.

Ивонна поставила на постель корзинку со спящим малышом и шустро стала собирать белье, чулки, платья.

Она отряхивала с них следы моих «сестер», шустро укладывала в стопку и затем помещала в большой, но старый дорожный чемодан.

Он походил на сундук, оббитый потертой коричневой кожей.

Слишком большой; у меня и вещей-то не наберется столько...

Маленькая Роза тоже не стояла без дела.

Она собирала мои щетки для волос, гребешки — те, что не утащили «сестрицы». Подобрала и рукоделие, нитки с иглами, ножницы. Лен, на котором я вышивала.

Глядя, как они проворно собирают какие-то мелочи, я чуть не заплакала.

Мы теперь с ними стоим на одной ступени.

Еще несколько минут, и меня выкинут из дома. И я стану бездомной нищенкой.

Но только мне, в отличие от них, и в голову бы не пришло, что такие мелочи, как пуговицы и ленточки могут иметь какую-то ценность...

Что ж. Придется привыкать и учиться у Ивонны и Розы бережно относиться к тому, что есть.

И ценить те немногие сокровища, которыми я владею.

— Милая!

Юджин влетел в комнату, как ураган.

Мельком глянул на спящего в корзинке ребенка и заторопился ко мне.

— Что... Что все это значит?!

Он подбежал, взял меня за руки.

Вроде, нежно. Но у меня все внутри перевернулось от отвращения.

Юджин видный мужчина.

Высокий, широкоплечий.

Пожалуй, немного грузный.

Но мачеха говорила, что его массивность свидетельствует только об отменном здоровье и силе.

Я молча соглашалась с ней. А сама все время думала с непонятной мстительностью, что Юджин просто любит поесть. Чересчур много.

Он не юноша, он старше меня. Приближается к зрелости.

И это-то противнее всего.

«Содержанец!» — вспыхнуло у меня в мозгу ослепительной злой мыслью.

В свои тридцать он не обзавелся богатым именем, не накопил денег.

Все его добро — это громкое имя.

А разбогатеть он собирался за мой счет.

Он не нищий, разумеется. И не голодает. И можно сказать, что ни в чем не нуждается.

Но в приличное общество не зван.

— Хотя бы потому, — как-то раз сердито сказал отец, — что ему не на что купить приличествующих этому обществу штанов!

— Мачеха выставляет меня вон, — тихо ответила я, осторожно отнимая у него свои руки.

— Что значит выставляет? — изумился Юджин. Его темные глаза сощурились, круглое лицо сделалось совсем неприятным.

— Отец умер. Она теперь хозяйка всего, — тихо ответила я.

Больше всего мне хотелось, чтобы он ушел.

Прекратил ко мне прикасаться.

Исчез навсегда!

Но на постели закряхтел, просыпаясь, мой сын.

И я проглотила свою гордость.

— Я с ребенком остаюсь без средств к существованию, — тихо сказала я. — Я никогда бы не попросила вас... Но ради сына прошу: помогите нам устроиться. Хотя бы на первое время...

Но Юджин словно подменили.

Он побледнел так, что казалось, его удар хватит.

Он отпрыгнул от меня так, словно я была чумным трупом.

— Что значит, — со страхом произнес он, — без средств к существованию?! А как же...

Он наверняка хотел произнести слово «приданое». Или «наследство».

Но не посмел.

Я усмехнулась. Как же он жалок был сейчас, когда понял, что ему не удастся погреть руки!

Несмотря на ужас, который начал до меня доходить, несмотря на страх перед будущим, я стояла и смеялась ему в лицо.

— Отец не успел составить завещания, — ответила я. — Пожалуй, вы поторопились с решительными действиями. Чем и вогнали его в гроб. И ваша смелость, ваши дерзкие планы не оправдались.

— Вот же черт!.. — Юджин запустил руки в волосы. На лице его было написано отчаяние.

— Так вы можете? Я о многом не прошу. И для себя тоже не прошу ничего. Я говорю о сыне. О вашем сыне!

Но Юджин меня словно не слышал.

Казалось, он был близок к помешательству.

— Но ваша мать! — выкрикнул он отчаянно. Словно нашел последний, самый верный довод. — Она уверяла меня, что!..

Я снова усмехнулась. Хотя было мне совсем не до смеха.

— Похоже, она и вас обманула, — заметила я. — Людям, которые предлагают мерзости и подлости, нельзя доверять.

— Вот же черт! — проорал Юджин, уже никого не стесняясь.

От злости он побагровел. Понял, что вместо богатств получил меня и ребенка на шею. Обузу.

Ненужный груз.

Лишние рты, которые надо кормить.

Люди, о которых нужно заботиться.

Это совсем не то, на что он рассчитывал!

— Ребенок записан на вас, — продолжила я уже смелее. — Он незаконнорождённый, но отцовство вы признали! А значит, обязаны о нем заботиться!

— Обязан? Да черта с два!

Голос Юджина был пропитан ненавистью.

Мужчина теперь смотрел на меня, словно это я в чем-то была виновата.

— Я признал его из жалости к вам!

— Что?!

— Да я даже не уверен, что это мой ребенок!

— Да как вы смеете! — кричу, а голоса своего не слышу.

Третьего удара в этот день мне просто не перенести.

Чувствую, что сердце просто разрывает мне грудь.

— Вы были моим первым мужчиной...

— Первым, — соглашается этот негодяй. — Но не единственным. Кто знает, кого вы пускали в свою постель, веревочка-то развязана. И уже не один мудрец не сосчитает, сколько счастливчиков отведали сладких плодов в вашем... саду.

Он мерзко, сально ухмыляется, глядя мне в лицо.

Делает непристойные намеки, указывая на окно.

— Как вы смеете говорить обо мне такие вещи! — кричу я. А сама уже задыхаюсь, и перед глазами темно.

— Так что я бы попросил, — тянет Юджин, нахально щуря глаза, — вернуть мне кольцо, которое я подарил вам в знак моей любви и верности. Вы недостойны его носить. Оно принадлежало моей матери, и...

Я его не слушаю.

В ярости сорвала с пальца его кольцо. Красивое, золотое, с крупным камнем. Его бы продать, и было бы на что жить.

Но и этой возможности меня лишают!

— Заберите! И уходите вон!

Я бросила драгоценность ему под ноги, чтоб Юджину пришлось наклониться.

И он с мерзкой улыбкой делает это.

Последний поклон мне в ноги...

— Всего доброго, дорогая!

Его слова грохочут в ушах как барабанная дробь.

Последний взгляд я бросаю на ребенка.

На сына, который плачет во все горло.

Которого мне не дано вырастить.

А дальше лишь пугающая чернота...

Глава 2. Вот это попадание...

— Барышня! Барышня, очнитесь!
Голова трещит, в ушах гул.
И где-то плачет ребенок.
Точнее, два ребенка. Один младенец, просто закатывается, а второй постарше.
Всхлипывает и подвывает.
Что это такое со мной произошло?
С трудом припоминаю, что было до этой пугающей темноты.
— Госпожа Эрика, с вами все в порядке?
Прихожу в себя окончательно.
Открываю глаза.
И все равно темно. Еще и холодно, словно в склепе.
Над головой на сквозняке реет, как знамя, целое полотнище из пыльной паутины. Под головой какой-то мягкий узелок с тряпками.
И гулкая, с эхом, тишина...
Как я тут очутилась?!

— Госпожа Эрика, ваш сын плачет. Его бы покормить...
Сын? У меня есть сын?
Однако, насыщенная у меня была жизнь, пока я была в отключке!
Долго ли я пролежала без сознания? Как сюда попала? И вообще, где я?
Десятки вопросов без ответов разрывают мне голову.
Но я поднимаюсь, сажусь на полу.
Да, меня, как бревно, кинули на холодный пол.
— Госпожа Эрика... малыш...
Старуха подсовывает мне младенца, а я сижу и не понимаю, что с ним делать.
Откуда он? Чей он?
— Вот так, — она ловко устраивает его головку у меня на сгибе руки. — Не плачь, бедняжка. Мама с тобой...
Так, с этим потом разберемся. Надо сообразить, что я тут делаю?
Старуха помогла мне устроить ребенка. И он жадно впился в высвобожденную из одежды грудь.
Его голод, его жадность и то, как он цепляется за свою крохотную жизнь, приводит меня в чувство.
Если даже этот маленький человек борется, то мне и подавно нужно! Только вот... за что бороться?
— Госпожа Эрика... Что дальше?
Дальше?
В памяти мелькали какие-то обрывки прошлого.
Я вспомнила боль, которая навалилась на меня, растеклась по груди. Сердце — к сожалению, обычный диагноз, даже для молодых. И врачей он тоже не щадит.
Я ведь в прошлой своей жизни хирург...
Еще сегодня утром я собиралась на работу уже на взводе.
Снова срочная операция. Снова диагноз неясен. Снова переделывать чью-то работу!
Сосед на лестничной клетке наорал.
Огромный мужик, а в душе мелкое трусливое существо.
Угрожал, я уж не слушала, чем ему не угодила. Мыслями я была там, у стола с пациентом.
Вышла из подъезда и поймала злобный и завистливый взгляд бабки.

— Наглая какая! — рыкнула она, глядя на меня своими опухшими глазами.

Я устало выдохнула. Собралась уже было выпалить ей ответ.

Как вдруг ощутила эту ужасную боль, и чернота с шумом налила мне голову.

Историю Эрики, чьего ребенка сейчас качала на руках, тоже помнила... Очень грустная история очень юной и очень покорной девушки.

Как-то странно я ощутила себя ею. Словно мы с ней всегда были одним целым. Одним человеком, который раз за разом проживает разные жизни в разных мирах.

Только до ужаса похожие друг на друга неприятностями.

Нет, ну так не годится!

Надо что-то менять!

— Что это за место? — спросила я, оглядываясь.

— Это же ваш дом, господа Эрика, — робко подсказывает старуха.

Дом? Не очень-то похожи эти развалины на жилище!

Пыльно, пахнет сыростью, и сквозняки гуляют по комнатам.

Тот, кто привез нас всех сюда, бросил меня в холе, в огромном полупустом зале.

Две изящные лестницы из холла вели наверх, в коридоры к комнатам.

На этом все великолепие кончалось.

Мебель, напольные часы, деревянные наличники на дверях, изящные перила лестниц — все это было черно, покрыто плесенью и пылью.

Полы тоже прогнили и предательски трещали. Того и гляди, провалятся.

И стены кое-где были ободраны до кирпичей.

Штукатурка осыпалась.

Этот дом не топили несколько лет, наверное. Он абсолютно не пригоден к жизни в нем!

Ой, мамочки! Еще и с младенцем!

Я перевела взгляд на малыша на моих руках.

Он наелся, пригрелся на моих руках и затих, уснул. Бедное дитя, долго ли он проживет в этих условиях?! Невинная крохотная жизнь... Он-то не должен отвечать ни за что.

«Так, давайте без трагедий! — стиснув зубы, тут же подумала я. — Пока я тут, никто не умрет!»

Пока я тут, со всеми все будет в порядке.

Это был мой девиз, и я несла его сквозь жизнь... Сквозь ту жизнь, в которой не выдержало мое сердце.

Работа, где нужно было думать обо всем коллективе.

Семья — куча родственников, которые болели, ссорились с соседями, нуждались в помощи.

«Я всем помогу, всех спасу», — всегда упрямо думала я.

Спасти чью-то жизнь для меня было важнее всего прочего.

Живя этой жизнью, я думала, что очень важна.

И что все держится на моих плечах. Вокруг меня происходило слишком много событий, жизнь кипела, некогда было остановиться и подумать. Да что там подумать — к моим тридцати пяти у меня не было ни семьи, ни уж тем более детей.

Некогда.

А теперь, сидя в темном пустом зале, с ребенком на руках, я с изумлением поняла, что, по сути, все эти люди, близкие и не очень, просто тянули из меня силы.

Силы, уверенность, нервы. Все то, чего им не хватало в себе самих.

Не оставляя мне ничего про запас. Не думая, каково мне.

«Довыручалась, — подвела итог я. — Все они взрослые люди, самостоятельные. Не немощные и не сырые, не убогие. Просто было удобно кататься на моей шее. А тот, кто по-настоящему нуждается, выглядит вот так, как эти люди, что сейчас со мной».

— Иди сюда, дитя, — велела я девочке.

У бедняжки губа на губу не попадала. От холода ее трясло, бледное личико было заплакано.

Ковыляла она еле-еле, неловко ставя ножку в ветхом башмаке.

— Что с твоей ножкой, дитя? — невольно спросила я. Профессиональное, верно.

— Упала с лестницы неудачно, госпожа, — тут же угодливо подсказала старуха. — Вроде, лекарь сложил, но срослось неверно... Она не юродивая, и не блаженная! Она совершенно нормальная! Не порченная и не проклятая! Родилась такой же, как все! И ее родители были крепкими и здоровыми!

— Были? А что с ними стряслось?

Старуха смолчала, сконфуженно опустив взгляд.

Что-то мой отец с ними сделал?! Или мачеха?! А жить теперь с ребенком, лишившимся родителей по их вине, предстоит мне?

— Не бойся Розы, — тихо сказала я. — Я тебя не обижу. Не причиню тебе боли.

Бедняжка. Видно, настрадалась. Мало того, что пережила такую болезнь, так ее еще и травмили.

Ладно, с ее ножкой разберемся потом.

Девочка продолжала молчать. Лишь тряслась.

— Иди сюда, — велела я ей, поднимаясь.

Оказывается, эти бедняжки, сами продрогнув до костей, меня устроили с наибольшим комфортом. Положили на старый ковер, свернутый в несколько раз, и укрыли какими-то тряпками. А сами все это время ютились рядом, качая и согревая моего ребенка.

Присмотревшись, я узнала свои — Эрики, — платья и сорочки.

Ну, и ее легкое верхнее одеяние, слишком элегантное и непрактичное в этих условиях.

— Садись на нагретое, — велела я ей. — С младенцем справишься?

У меня мелькнула тень сомнения. Девочка сама была суший ребенок. Худенькая и слабенькая.

Но она часто-часто закивала головой, и старуха радостно подхватила:

— Не сомневайтесь! Она крепкая, она удержит!

Я хмыкнула. Крепкая! Худая, бледная, в чем только душа держится...

Но выбирать не приходилось.

Я усадила ее на свое место, положила на ее руки спящего ребенка. Накрыла их своей одеждой, поплотнее закутала. Подсунула под спину и под руки девчонке узелки с вещами, чтобы ей легче и удобнее было сидеть.

— Сиди, грейся, — велела я ей. — И его грей. А мы пока огонь разведем.

Сказать просто. Сделать гораздо труднее!

Я обошла весь зал в поисках дров. Или чего-то, годного в растопку.

Старуха, как тень, следовала за мной.

Сама бы она не посмела тронуть ни старые полуразвалившиеся стулья, ни столик с круглой столешней. Она от старости и сырости начала распадаться на отдельные доски.

А я уверенно тащила все это в огромную пасть камина.

— Что ж, не дворец, — пыхла я, выметая неловко собранным из каких-то прутьев веником мусор и старую золу, слежавшуюся до каменной твердости. — Зато наш дом. Наш, и больше ничей!

— Мало радости, когда делишь кров с призраками, — прошептала старуха как можно тише, чтоб не напугать девочку. — Мне-то что. Жить недолго осталось. А вот вам, вам-то, госпожа, и детям!..

— Глупости болтаешь, — пресекла я ее причитания. — Ни одного призрака не вижу. Да и не бывает их.

Не хватало еще, чтоб она стенала об этом все время!

Старуха замолчала. Лишь головой покачала и горестно сжала губы.

Приказано молчать — что ж, она умрет молча, раз так того хочет барышня.

Я ошутила укол совести.

Эта женщина всем пожертвовала, меня уложила на мягкое, тепло укутала, чтоб я не простыла и не замерзла, пока лежала в беспамятстве. Сама ютилась на голых досках.

А я сразу проявляю свой хозяйничий нрав.

Некрасиво как-то получилось.

Я тотчас смягчилась.

— Ивонна, — произнесла я, выудив в памяти ее имя. — Не обижайся. Я не хотела быть грубой. Но сейчас правда не время плакать и причитать. Нам нужно быть сильными, как никогда. Пока нет никаких призраков, не стоит о них думать. Нам выжить нужно!

Она смолчала, лишь согласно кивнула.

Но видно был, что ее этот дом угнетает.

И она боится до ужаса.

Но идти ей некуда. Больше приюта у нее нет.

Потому она будет цепляться за меня до последнего.

Мы разломали много мебели. Стулья, столик, маленький комод. Его ящички были выполнены из тонкой деревянной фанеры, должна хорошо загореться.

С лестницы мы вместе с Ивонной насилу отодрали длинный, прибитый к ступеням ковер и подтащили его к камину.

Сложили в несколько раз, готовя подобие ложа.

— Великовато для вас, госпожа, — с сомнением произнесла старуха. — Да и тонковато. Давайте еще в два раза сложим! Будет теплее спать.

— Но тогда вы с Розы не поместитесь, — пропыхтела я.

— Мы?!

— Ну, конечно. А где вы рассчитывали спать?

Старуха ничего не ответила. Только на лице ее выписалось изумление.

— Да, Ивонна. Настали такие времена, когда мы будем спать бок о бок! Ну же, шевелись! Надо придвинуть сюда и кресла. Огородим это место от сквозняков.

Кресла — это просто подобие мебели. Прогнили и провалились. Пойдут в растопку следующими. Но пока пусть так стоят.

Пока мы возились, мне стало даже жарко. Пот выступил на лбу, спину ломило. Только ладони мерзли и саднили от непривычной работы. Но это мелочи.

Да, не привыкла нежная Эрика работать!

Ну, что же поделать, держись! Я-то не Эрика. Тело мне досталось молодое, а сильным я его сделаю!

Обломки мебели мы сложили в камин, разожгли огонь кое-как. Небольшое пространство перед камином, огороженное старой пыльной мебелью, сразу наполнилось теплом. Стало светлее и уютнее.

— Давай сюда детей перенесем, Ивонна, — тихо произнесла я, кивнув на кокон, свернутый из одежды. — Розы, кажется, уснула.

И это было правдой.

Измученная, испуганная и зареванная, она спала, откинувшись на спину. Малыш спал у нее на груди, крепко примотанный к ней моей одеждой.

— Намаемся-а-а, — жалостливо затинула Ивонна. Ее старые глаза налились слезами. — Как детей кормить?!

— Придумаем что-нибудь, — преувеличенно бодро ответила я. — Не плачь раньше времени! Дом большой; поищем запасы, какие-то ценности...

Ивонна покачала головой.

— Вы малы были, когда его покинули, — ответила она. — И вы вывезли отсюда все ценное. Вряд ли что-то осталось.

— В нашем положении, Ивонна, и крепкий клочок ткани — драгоценность!

Мы присели рядом со спящими детьми, передохнуть.

Ивонна ловко придвинула корзинку.

Пока благородная Эрика валялась в обмороке, старуха подумала о будущем! Бог знает, какими правдами и неправдами она раздобыла нехитрую снедь. Совсем немного хлеба, кусок сахара, крошечный кусок масла...

— Вам надо кормить ребенка, госпожа Эрика, — с жалостью в голосе произнесла она, придвигая мне хлеб и масло.

Только сейчас я почувствовала, как проголодалась.

Гулко сглотнула слюну.

С утра маковой росинки во рту не было, с этой несостоявшейся свадьбой и выселением...

Но я не набросилась на хлеб, хотя съела бы весь кусок одна.

— Поедим все вместе, — твердо сказала я. — Когда Роза проснется. Пока... пока давай вскипятим чай.

— Дак нету чая, — горестно всплеснула руками Ивонна. — Прости, госпожа! Я не взяла, не успела...

— Не извиняйся, Ивонна — ответила я. — Твоей вины тут нет. А чая нет — так попьем кипятка с сахаром. Это придаст нам сил.

Я сама отыскала среди груд мусора какой-то маленький котелок. Песком отчистила его, окатила водой. Колодец был тут же, недалеко, во дворе. Я вытянула целое ведро, хотя это было и нелегко, и наполнила наш импровизированный чайник.

— В нем словно ведьмы зелье варили, — ругнулась старуха.

Я лишь рассмеялась. Кажется, начинаю привыкать к ее сердитой воркотне.

— Не выдумывай. Это всего лишь старый котелок, — ответила я легко.

Я подвесила котелок над огнем в камине, пока Ивонна делила хлеб и масло.

Ножа у нее не было, она резала еду суровой толстой нитью.

— Эх, — горько сказала она. Порции наши были крохотные, совсем маленькие. С учетом того, что и на завтрак она немного оставила. — Совсем голодно нам будет...

— Не будет, — уверенно возразила я. — Сейчас слишком поздно. А с утра я схожу, продам сережки в лавке. На хлеб нам хватит. А там придумаем, как жить и чем заняться.

Вода быстро вскипела. Она пахла дымом, но вприкуску с куском сахара это был просто волшебный нектар!

— Так что случилось с родителями Розы? — спросила я, прихлебывая из котелка и передавая его Ивонне. — Мой отец что-то с ней сотворил?

Та снова тяжело вздохнула.

— Вот отец не причем, госпожа, — ответила она. В голосе ее послышались слезы. — Это все ваша мачеха. Истинно говорю, это дьявол в юбке, а не женщина! Дай ей волю, она бы мучила живых людей с утра и до ночи! Мать Розы была красавица. Служила личной горничной у госпожи. Вы должны бы ее помнить. Агата ее звали.

— Агата?

В памяти моей, перемешанной с памятью Эрики, всплыл образ темноволосой, высокой, скромной девушки.

— Она вышла замуж за конюха. За Марека. Славная была пара! Оба красивые, молодые...

— Ах, да! Кажется, тогда она и пропала из нашего дома.

Старуха горестно поджала губы.

— Немного позже, — ответила она тихо. — Когда забеременела. Госпожа была в ярости.

— Отчего же?! Женщины как правило беременеют, если выходят замуж.

— Оттого, что она запрещала Агате беременеть. Говорила, что не потерпит этого уродства. Когда узнала — Агата уже не могла скрывать живот, — начала травить бедняжку. Заставлять выполнять тяжелую работу. То пододвинуть сундук, то приподнять кровать.

— Хотела от плода избавиться! — ахнула я. Ивонна кивнула.

— Но не вышло. И тогда госпожа словно бы нечаянно... ну, доказать-то нельзя, кто б поверил словам Агаты...

— Что она сотворила?!

— С лестницы ее толкнула. Ударила по лицу и толкнула.

Я молчала, потрясенная. В ушах стоял звон от ужаса.

— Агата родила тогда раньше времени. Но сама...

— Понятно, — произнесла я слишком поспешно. — Умерла.

— Да... не перенесла родов.

В груди моей клокотало от ярости и несправедливости.

И теперь этот монстр будет жить в моем доме?!

Будет пользоваться всеми деньгами, оставленными отцом?

Будет измываться над слугами, и никто ей не помешает?!

— Да почему же жизнь так несправедлива!

— Розы я воспитала, — тихо продолжила Ивонна. — Отца ее госпожа велела со двора прогнать и больше не пускать. Госпожа долго не спрашивала о Розы. А потом вдруг изъявила желание взять ее к себе в служанки. Но, боюсь, ей тоже была уготована судьба матери.

— Ее тоже мачеха толкнула?!

Ивонна горько усмехнулась.

— Неоднократно, — ответила она. — Бедняжка кубарем летала по этой лестнице. Вся в синяках... Вот и ножку повредила. Уж как она мучилась!

Я в ужасе глянула на спящего ребенка.

Как можно вымещать свою досаду, свою злобу на бедной сироте?!

— Но как отец допустил это?!

Ивонна пожала плечами.

— А кто отважился ему жаловаться? Чтоб старая ведьма кипятком плеснула?

— Как земля ее носит!..

У меня даже руки тряслись. И девочку было очень жаль.

Хотелось как-то ей помочь. Хоть чем-то! Приласкать, успокоить.

Бедняжка... Бледненькая, худая. Сколько горя она повидала в своей короткой жизни.

Горя, боли и страха...

А теперь злобная старуха, лишившая ее родителей, просто вышвырнула ее из дому.

Лишила и шанса на жизнь. Все равно что своими руками убила бы ее.

Впрочем, она и моего малыша не пожалела. Совсем кроху.

При взгляде на спящего младенца я чуть не разрыдалась. Мачеха не могла не понимать, что ждет ребенка в этом заброшенном доме. Холод и голод. Верная смерть.

Но и это ее не тронуло.

Мне даже показалось, что она хочет, чтобы это поскорее произошло.

Она рассчитывала, что ее падчерица, Эрика, сгорая от стыда, не посмеет высунуться в люди. Молча погибнет. Ведь незаконнорожденный младенец — это позор.

Мало кто не покажет на улице пальцем на молодую мать, родившую вне брака.

Кто-то может и плюнуть. И даже камнем кинуть.

Но даже если люди проявят милосердие и не станут травить, то жить мне все равно будет туго.

Ведь свою репутацию я — несчастная Эрика, — погубила. Кто захочет иметь дело с падшей женщиной?

Даже если выживем, то дом этот, итак имеющий дурную славу, не скоро обретет уважение.

Если вообще обретет.

— Ну, ничего, — сквозь сжатые зубы пробормотала я. — Ничего-о-о... Я все исправлю, обещаю!

Но, несмотря на эти тяжелые мысли, мне все же интересно было, что же не так с ножкой Розы.

Наверное, сказался чисто профессиональный интерес.

Если уж ее лечили, то отчего она все равно хромала?

— Говоришь, лекарь вправлял? — спросила я у Ивонны, осторожно стаскивая с больной ножки девочки растоптанный уродливый башмак.

— О да, и хорошо вправил! — живо ответила Ивонна.

— Так что ж тогда?

— Он велел Розы лежать, не вставать, — пояснила старуха, пока я ощупывала крохотную беленькую ступню. — Но этот демон в юбке... вы же понимаете, госпожа, она не дала девочке спуска. Несмотря на то, что Розы сосем ребенок. Сердце у старой ведьмы каменное.

— Все ясно, — сказала я.

Втянувшись в знакомое мне дело, я как-то разом успокоилась, отбросила все мысли прочь и сосредоточилась только на том, как помочь Розы.

Беглый осмотр показал, что перелом сросся хорошо.

Но, видно, Розы специально косолапила.

Каким-то невообразимым образом выворачивала ступню при ходьбе, чтоб не было так больно. Ведь ей приходилось выполнять работу для мачехи, когда нога еще не срослась толком...

— Связки растянула, — определила я. — Сильно. Поэтому сейчас ступня все время вывихивается из сустава. Это поправимо, потребуется только побольше времени и терпения. Нужно забинтовать ножку потуже, вероятно, неплохо было б шину наложить. И да, покой. Не наступать, не двигать...

Я задумалась.

В идеале бы для Розы нужно смастерить костылик. Или даже кресло на колесах. Не может же ребенок несколько дней сидеть на одном месте.

Ей двигаться нужно.

Но кто сможет смастерить это?..

Ивонна с изумлением смотрела на меня.

— Откуда вам это известно, госпожа? Вы разве учились на лекаря?

— Нет, конечно, — отмахнулась я. Секрета своего я не собиралась открывать даже Ивонне. Скажи ей о том, что у меня была прежняя жизнь, и я была в ней врачом — старуха в ужасе и с воплями умчится. Хорошо, что хоть сейчас она немного позабыла о зловещей репутации дома и призраках, якобы его населяющих. — Просто в нашей библиотеке были разные книги. Я хотела узнать получше о лекарском искусстве. Мне было интересно. Вот я и читала. Очень много книг.

— О! — уважительно протянула Ивонна. — А я думала, вы читаете только сказки да романы про любовь. Книги с красивыми картинками. Ну, как и все прочие барышни.

Эрика так и делала.

И я была совсем не уверена, что в библиотеке были какие-то ученые книги. И что она их стала бы читать.

Но теперь это было неважно.

— Завтра с утра сделаем ей шину, — твердо сказала я. — Розы у нас еще танцевать будет!

Глава 3. Планы на будущее

Немного отдохнув, я поднялась и снова прошлась по дому в поисках того, чем можно на ночь протопить камин.

Старую мебель мне было совсем не жаль.

Зал, где мы обосновались, был, конечно, очень большой.

Протопить его было сложно. Но сделать это было просто необходимо.

Во-первых, ночью все еще было сыро и мы могли замерзнуть насмерть и не дожить и до утра. Дом давно не топили, стены его были сырые, промерзшие за зиму.

Подняться наверх, поискать более подходящую, маленькую комнату было бы можно. Но не в темноте. Я не знала состояние лестницы. Не хотелось бы наступить на гнилую ступеньку, провалиться и переломать ноги.

Лучше я сделаю это при свете дня.

Поднимусь наверх и посмотрю, что там.

Во-вторых, ребенок.

О нем надо заботиться, например, мыть его. Менять пеленки.

Это возможно только в том случае, если вокруг будет тепло.

Развернешь его в холоде — он тотчас заболеет.

Так что я развела в камине огромное пламя, собрав просто все обломки, что могла. У камина стало не то, что тепло — жарко. Даже Роза во сне разметалась. Бледное личико ее покраснело.

— Чудесный столик, госпожа! — ворчала Ивонна. — Он мог бы еще послужить!

— Он и служит, — ответила я, разламывая его высохшие ножки. — Не переживай за него, Ивонна. Все равно есть с него уже невозможно. Весь в плесени. Зато нам будет тепло.

Я сама принесла воды, нагрела ее в нашем маленьком котелке.

Младенец проснулся, закапризничал, и я взяла его на руки.

— Есть хочет, — сказала Ивонна. — Маленькие дети едят часто.

— Часто едят, часто пачкаются, — ответила я, разворачивая мокрые пеленки. — Прополощи, пожалуйста, его одежки. А я покормлю его и хотя б немного оботру.

Ребенок заходился плачем.

Господи, что делают с этими детьми, чтоб они не кричали?

Я не знала.

Это Эрика родила. А у меня своих детей никогда не было. И, наверное, я бы так и не выкроила времени на личную жизнь и рождение детей.

Теперь и стать матерью мне шанс выпал.

Я наскоро обтерла ребенка теплой водой, промокнула чистой тканью все его складочки на ножках, на шее, и передела его в сухое.

Точнее, закутала в тряпки, которые старая Ивонна умудрилась набрать в моей разоренной комнате. Мои старенькие сорочки, какие-то простенькие юбки.

— Ивонна, ты просто чудо, — сказала я, прикладывая ребенка к груди. Он был голоден, потому сразу же затих, насыщаясь молоком. — Если б не ты, я бы растерялась и ушла бы просто ни с чем.

Ивонна тотчас надулась от гордости.

— Я пожила на этом свете, госпожа, — ответила она важно, полоща в ведре пеленки. — Я-то знаю цену вещам!

— Наверное, я должна быть благодарна мачехе, что она мне подарила личного ангела-хранителя, то есть тебя, — с улыбкой произнесла я.

От нашей болтовни, от плача младенца проснулась и Роза.

Некоторое время она сидела молча, сонно хлопая глазами и вспоминая, как она сюда попала.

Вспомнила.

В ее темных глазах снова вспыхнул страх.

Она тревожно огляделась по сторонам, губы ее задрожали от сдерживаемых слез.

— Ну, не плачь, малышка, — подбодрила я ее, укачивая младенца. — Знаю, тут не очень уютно. Зато этот дом наш. И никто нас не выгонит. И больше не обидит. А со временем тут будет намного лучше. Ты же поможешь мне привести дом в порядок?

— Помогу, — робко ответила девочка, все так же испуганно оглядываясь по сторонам. — Но говорили, тут призраки обитают...

— Призраки? Тогда им давно пора было б объявиться. А мы до сих пор не увидели ни одного.

Ивонна развешала на каминной полке одежды младенца и пошла выплеснуть воду и вымыть ведро.

Я же кивнула Розе на хлеб с маслом, и пододвинула ей кусочек сахара.

— Идем, поужинаешь, — сказала я.

Роза явно была голодна. Очень голодна.

Но, несмотря на это, сидела и просто смотрела голодными глазами. И брать хлеб не спешила.

Не решалась.

— Ну, чего ты? — удивилась я.

— Госпожа часто шутила над ней, — тихонько ответила вместо ребенка вернувшаяся Ивонна. — Разрешит ей взять лакомство. Но стоило Розе протянуть руку, госпожа била ее палкой по протянутой руке.

Я чуть не задохнулась от ярости.

— Пожалуй, на сегодня хватит говорить об этом монстре, — чересчур поспешно велела я Ивонне. — Роза, прошу тебя — не бойся меня. Я не буду колотить тебя палками ни в коем случае! Даже если тебе вздумается немного пошалить. Так что ты можешь взять еду смело. Ну?

Роза решилась.

Она ухватила хлеб, как мыши ухватывают кусочек пищи перед тем, как юркнуть в норку.

Она ела жадно, а у меня руки тряслись от бессилия.

— Нагрей еще воды, Ивонна, — сказала я. — Пусть Роза попьет кипятка с сахаром.

— Сахар больно бы не тратить, — проворчала Ивонна. Но мою просьбу выполнили. — Вам кормить.

— Ты о серьгах забываешь, — напомнила я. — Продам, и сахара куплю.

— Всего мира не купишь на две крохотные сережки, — заметила Ивонна. — Экономить нужно сразу. Никогда не знаешь, когда настигнет беда.

И она украдкой вздохнула.

Роза меж тем немного освоилась.

Кусочек сахара, который я ей дала безо всяких побоев, без унижений и обмана, вселил в нее доверие ко мне.

— А мы тут будем жить? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Да, дитя, — подтвердила я. — Этот дом теперь наш.

— И госпожа Зина не выгонит нас? — осторожно уточнила Роза, облизывая после сахара липкие пальцы.

— Нет, дитя. Этот дом мой. И бумаги на него имеются.

— О! — произнесла девочка. — Здорово. Если тут нет призраков, то тут просто здорово. Дом такой большой!

Я лишь улыбнулась.

— Тут нет призраков, дитя, — мягко ответила я.

Ивонна лишь покачала головой да проворчала что-то вроде «как же не так».

Но спорить со мной не стала.

— Такая огромная комната, — в восторге продолжала Роза, крутя головой по сторонам.
— Пыльно, конечно, но я помогу убратся, госпожа!

— Называй меня Эрикой. Просто Эрика, и все. Не госпожа. И вот что, Роза, — я знаком попросила Ивонну взять у меня уснувшего малыша и привела в порядок одежду. — Можно, я посмотрю твою ножку?

Роза лишь кивнула согласно.

Верно, манипуляции с ногой ей всегда давались болезненно.

Поэтому она вся сжалась, дергаясь при каждом моем прикосновении.

Но я усыпила ее бдительность поглаживаниями. И как только она расслабилась — крак!
— я крепко ухватила ступню и рывком поставила ее как надо.

— Ай! — только и выкрикнула Роза, дернув ногой. Но дело уже было сделано.

— Ох, и ловко вы это, госпожа! — изумилась Ивонна, всплеснув руками. — Лекарь возился обычно долго. Да так мучительно! У вас прям талант!

Я усмехнулась. Ну, слава богу, вправить-то сустав я еще могу.

А лекари тут, значит, совсем плохи...

— Ты очень поможешь мне, Роза, — сказала я, отобрав одну из старых сорочек и распуская ее на ленты, — если некоторое время посидишь смирно и не будешь наступать на эту ножку. Давай я ее забинтую, а ты... ты постарайся, чтоб она всегда находилась в правильном состоянии. Вот как сейчас.

Я наложила тугую повязку, проверила, чтоб не давило чрезмерно.

— Если вдруг ножка снова вывихнется, сразу мне скажи! — строго велела я. — Я ругать не стану. Просто поправлю и снова забинтую. И если ты меня будешь слушать, то очень скоро будешь здорова. И ходить будет совсем не больно.

Да, шину наложить тоже надо.

Это же ребенок.

Усидеть на одном месте она долго не сможет.

Все равно будет ходить.

Ну, да ладно. Об этом подумаю позже.

Однако, Роза, освоившись, оказалась еще более беспокойным ребенком, чем я думала.

И с забинтованной ногой она умудрилась направиться изучать дом.

Прыгая, как воробей, на одной ноге, она осмотрела и вход, и заколоченные окна.

И во все углы сунулась.

И даже на лестницу хотела взобраться. Но Ивонна ее остановила.

— Мало тебе ноги? Хочешь еще и шею сломать?! — ругалась она, снимая со ступеней внучку. — И поделом тебе будет, если слушаться не хочешь! Лестница того и гляди рассыплется!

— Вы же сказали, что дом весь наш, — недоумевала Роза. — Почему наверх нельзя? Значит, наш, но не весь?

— Весь, — уверила ее я. — Просто лестница мне кажется ненадежной. Я завтра схожу, посмотрю, что там.

— Но я легкая! — ответила Роза. Ох, и шило! — Легче вас, госпожа Эрика. Если вас лестница выдержит, то меня и подавно!

Но я не пустила Розу наверх.

Да она и сама скоро умаялась, наскандалив вдоволь на одной ноге.

И мы все улеглись спать у пылающего камина. Мы с Ивонной по краям, дети — между нами.

Мы прижались к ним тесно-тесно, накрылись всем, что попало под руку. Детей накрыли своими юбками.

В этом коконе мне стало вдруг тепло-тепло и очень уютно. Словно я сплю в самой мягкой в мире постели, а не на пыльном ковре на полу.

— Все будет хорошо, — произнесла я, целуя спящего малыша. — Все будет просто отлично!

Утром я проснулась раньше всех.

Младенец заворочался, захныкал, требуя пищи. Кажется, и пеленки его были мокрые. Нужно было скорее его перепеленать, накормить... Мамочки! Никак не привыкну, что это мое дитя.

Мой сын.

По бумагам он был записан как незаконнорожденный ребенок сэра Юджина Вагана. Имя я дала ему сама — Итан.

Юджин, помню, сердился. Все же это был его сын, и он хотел ему дать какое-то свое, родовое, длинное и пышное имя.

Как породистому щенку.

Как раз это мне и не понравилось. И прежде, чем Юджин надулся, натужился, собираясь исторгнуть из своего воображение цветистое имя, я сказала просто — Итан. И законник так и записал.

— Ну, Итан, — качая ребенка на руках чтоб хоть немного успокоить его, — будем привыкать друг к другу?

Было достаточно прохладно.

Дрова в камине с вечера прогорели. Я поспешила развести огонь из остатков собранных вчера дров, пока ребенок не разревелся во все горло. Хорошо, что с вечера я догадалась положить обломки мебели поближе к огню, подсушиться.

Сухое дерево занялось быстро, загорелось жарко.

В разливающемся по комнате жаре я быстро перепеленала малыша, принялась кормить.

Наша возня не осталась незамеченной. Ивонна тоже проснулась и уселась на нашем импровизированном ложе, хлопая глазами.

— Простите, госпожа, — забормотала она испуганно. — Проспала... ах, я, дура старая! Простите! Я сейчас!..

— Успокойся, Ивонна. Ты так расстраиваешься, будто я тебя палкой сейчас поколочу. Но этого ведь не будет, — напонила я. — Ты просто вчера сильно напугалась и устала. Поэтому проспала чуть дольше. Ничего страшного. Тебе нужно было отдохнуть.

Но Ивонна уже подскочила и со всех ног кинулась наводить порядок в нашем небольшом хозяйстве.

— Я наношу воды, и мы с Розы тут все быстро-быстро приберем, — бормотала она, полоща мокрые пеленки.

— Не забывай, что Розы надо беречь ножку, — напонила я.

— Ах, точно... Ну, значит, ей сидеть с ребенком. Сейчас будет готов кипяток, попьете, госпожа... Вот сахар, держите! Ешьте! Вам дитя кормить!

Как бы я не сопротивлялась, она всучила мне остатки сахара и дала кусок хлеба.

Последний.

Я была зверски голодна, но хлеб мне в горло не лез. Я смотрела на лицо старой Ивонны, на спящую Розы, и... не могла есть.

— Поем потом, — отстранив от себя руку Ивонны с хлебом, произнесла я. — Когда приду из города. И сахар оставь. Ребенок проснется, наверняка захочет есть. Завернешь сахар в тряпицу, дашь ему пососать.

— И то верно! — обрадовалась Ивонна. — А хлеб все ж таки съешьте, госпожа. Идти вам далеко. Силы будут нужны.

Накормив и укачав младенца, я передала его Ивонне и поднялась.

— Ну, что же, — набравшись духу, произнесла я. — Пожелай мне удачи!

— Она здорово вам понадобится, госпожа, — очень серьезно произнесла Ивонна. — Сами понимаете, люди злы. Они и за меньшее изгоняли девиц из города. А тут младенец... Ваши серьги могут и не купить.

Ивонна покачала головой, и я снова тяжело вздохнула, волнуясь.

Все это я прекрасно понимала. Меня могли просто освистать и прогнать прочь.

И тут, посреди тревожных размышлений, в серой утренней темноте, я отчетливо услышала осторожный скрип ступеней.

Мне показалось, что и огонь блеснул. Словно кто-то на верхней площадке, над лестницей, задул поскорее свечу, чтоб его не обнаружили.

Я так и ахнула!

— Этого еще не хватало!

— Призраки! — взвизгнула Ивонна, в ужасе прижав к себе малыша.

Мелкая дрожь проняла меня.

Нет, я же трезвомыслящий человек.

Я не верю в призраки.

— Привидений не бывает! — твердо произнесла я. — Не болтай чепуху! Сейчас пойду и посмотрю, что там!

Но кто-то все-таки ходил наверху.

— Не ходите, госпожа! — взмолилась Ивонна. — Оно... оно заманивает вас наверх!

— Да чтоб тебя! — ругнулась я, вынимая из камина горящую палку. Будет вместо факела. А если что, и вместо оружия. — Ивонна, ты и мертвого напугаешь! Нет там призраков никаких! Я тоже хороша, разлеглась, потеряла бдительность... Конечно, нет никаких привидений. Но живые-то люди вполне могут быть! Как я раньше не догадалась! Дом сто лет стоял пустой! Заходите, живите кто хотите!

— Думаете, забрался кто-то? — осторожно произнесла Ивонна.

— Я более чем уверена, — твердо ответила я. Хотя сердце мое дрожало, как овечий хвост. — Не бойся и не кричи, не то детей разбудишь. Я схожу, посмотрю.

— Может, не надо?! Давайте позовем кого-нибудь на помощь!

— Кого? В округе до самого города нет никого.

Бормоча про себя проклятья, я мужественно отправилась наверх.

— Если тут кто и есть, — размышляла я вслух, осторожно ступая на лестницу, — то нам все равно с ним придется столкнуться. И уж лучше я, чем Ивонна или Роза...

Лестница оказалась крепче, чем я думала.

Только третья и седьмая ступени скрипели. Видно, рассохлись.

Остальные были прочными.

«Наверное, дубовые», — подумала я.

И перила были целыми. Пыльными и грязными, но целыми.

Кажется, никто в округе не посмел осквернить дом, и мародерствовать не осмелился...

— Иногда дурная слава — это то, что нужно, не так ли? По крайней мере, оберегает от дурных людей...

Площадка наверху показалась мне так и совсем... обитаемой.

— Ну, что там? — слабо крикнула снизу Ивонна.

— О, боги... — только и смогла сказать я. — Все хорошо. Подозрительно чисто. Тут даже узор на ковре можно рассмотреть! Не скажешь же ты, что это духи его выколачивают и чистят!

— Они могут, госпожа, — серьезно возразила Ивонна. — Если им хочется, чтоб все было так, как они привыкли при жизни, они могут.

— Признайся, ты нарочно меня пугаешь?!

Если в нижнем зале царило запустение и разруха, то тут было словно другое измерение! Здесь и мебели было поболее, и целее она была.

Словно дом покидали в такой спешке, что не забрали ни изящные креслица, ни столик, ни старинные напольные часы.

— Тут есть канделябр! — оповестила я Ивонну. — А в нем свечи. Странно, что мыши их не погрызли за столько времени...

— Это духи их отгоняли, — зловеще завывала внизу Ивонна.

Но на этом доступное мне пространство заканчивалось.

С верхней площадки в разные стороны расходились два коридора, в восточное и западное крыло дома. И эти два коридора совершенно точно были заколочены!

Но кто же тогда ходит по дому? Я еще не сошла с ума, я слышала топот ног. Кто-то определенно удирал по заколоченному коридору.

Кто-то маленький? Сумел между досок протиснуться?

Я зажгла свечи, а головешку вернула в камин. Затем снова поднялась наверх под тревожным взглядом Ивонны.

Вооружившись какой-то крепкой палкой, я постаралась выломать несколько досок, перегородивающих дверной проем. И мне это удалось весьма легко.

Дерево было сухое, легкое. Гвозди со скрипом легко выдергивались из косяков, доски словно сами падали на пол.

— Пойдет топить камин! — пыхла я, разламывая и круша. — Тут дров... на неделю вперед...

Скоро я освободила проход настолько, что смогла свободно пройти в коридор, чуть пригнувшись.

— Эй, есть кто-нибудь? — крикнула я, сунув канделябр в разлом.

Но ответом мне был только быстрый топоток удирающих ног.

— Что, еще один ребенок? — проворчала я, отважно сунувшись в коридор.

Ничего зловещего тут не было. Ну, совершенно. Только воздух спертый, душный.

— Как тут можно жить, — проворчала я, пробираясь по коридору.

— Они и не живут, госпожа, — зловеще каркала где-то внизу Ивонна. — Они же мертвые! Призраки!

Да чтоб ей, этой Ивонне!..

Странно, но тут было очень чисто. Очень.

Темные обои, поблекшие за много лет. Темный ковер на весь коридор. Темные двери из благородного дерева.

Все это было ну разве что немного запыленным. Словно горничные были немного нерадивыми.

Но дом не выглядел ни запущенным, ни захламленным.

С одной стороны, это было легко объяснить тем, что все было заколочено и закрыто. Окно в конце коридора заперто и завешено ставнями. Так что пыли просто неоткуда было просочиться.

С другой стороны... ох, уж эта Ивонна с ее страшными рассказами!

— Не ходите, госпожа! Вернитесь!

Топоток вдруг раздался за одной из дверей, и я дернулась невольно.

Оглянулась.

Эта дверь была, кажется, в ванную.

Мне показалось, что я вспомнила, как там все выглядело раньше. Вспомнила светлые занавески, вздувавшиеся пузырем на окне... начищенный до блеска медный кран и бьющую в глубокую чашу ванны струю воды...

Осторожно взявшись за ручку, я повернула ее, отворив дверь...

... И в лицо мне ударил поток свежего воздуха, да так, что погасил свечи и растрепал мои волосы.

Я моргнула со страха, но бояться было совершенно нечего.

Окно в ванну было распахнуто. Посеревшие и обтрепавшиеся от времени занавеси бились от порывов ветра.

А по подоконнику бегали, воркуя, голуби.

— Ивонна, — с моих плеч словно тяжкий груз свалился. — Нет тут никого! Ни мародеров, ни призраков! Это просто птицы! Не бойся! Разбуди Розы и поднимайтесь сюда!

Странно, но старый водопровод работал и сейчас.

Сначала он плюнул сгустком грязи, а потом из крана пошла вода. И чем дальше, тем чище.

Пока Ивонна карабкалась с кряхтением по ступенькам, а Розы прыгала вслед за ней на одной ноге, я успела и умыться более-менее чистой водой и оглядеться.

Проверила спальни — они тоже были пусты.

Пыльные, почти лишенные мебели, но пустые.

— Вода, — обрадовалась Ивонна, показываясь с младенцем в дверях ванной комнаты.

— Да, носить не придется, — ответила я.

— Да и небольшую комнату протопить проще, чем огромный зал! — радовалась Ивонна.

— А мне здесь нравится, — заявила Розы, крутя по сторонам головой. — И мы дому нравимся! Иначе б он нас сюда не позвал!

— Тише ты, что болтаешь! — одернула ее Ивонна испуганно. — Навлечешь беду на наши головы!

Но Розы упрямо мотала головой.

— Нет! — дерзко ответила она. — Я тоже боялась, а теперь вижу — нечего тут бояться! Это дом хороший! Посмотри, как тут светло. Разве может быть дурное место таким светлым?

Мне же на ум вдруг пришло еще одно воспоминание.

Помню, отец учил меня читать. И чтоб уроки были мне интереснее, он за успехи вознаграждал меня монетами.

За особое прилежание давал золотой. За небольшие огрехи — так и быть, серебряшку.

Ну, а если я откровенно ленилась, то наградой мне были самые старые, самые тертые и зеленые медяки.

Золото я любила. Я берегла эти монеты, складывая в копилку. Когда мы ездили на ярмарку, я сама покупала себе платья, туфли, красивые перья в шляпу.

С серебряшками я бегала в лавку со сладостями, когда мы выезжали в город.

А ненавистные медяшки, которые и в руки-то было стыдно брать, я прятала ото всех за отходившей плиткой.

Мои пальцы привычно нащупали ее, чуть нажали на край. Плитка, кувырнувшись, оказалась у меня в руке, а за ней...

— Клад, клад! — заверещала Розы, хлопая в ладоши.

Да, для нас это был настоящий клад. Наверное, дороже сережек, дороже обручального кольца с крупным камнем!

Я выгребла трясущимися руками целую горсть медяков.

Своих ненавистных, зеленых медяков!

— Это какие-никакие, а деньги, — чуть не заливаясь слезами, произнесла я. — Вряд ли какой-нибудь лавочник откажется их принять.

— Так если не надо продавать сережки, — подала голос Ивонна, — то может, я схожу? Сережки-то, люди могут подумать, что я украла. А медяки... Вряд ли кто скажет, что у меня в кармане не может быть пары монет.

— Пожалуй, так будет даже лучше, — согласилась я. — Я доверяю тебе, Ивонна. Ты даже лучше меня знаешь, что купить. А мы с Розы тогда приступим к уборке.

Ивонна поморщилась.

— Негоже знатной девице возиться в грязи, — проворчала она. — Руки портить...

— Я больше не знатная девица, — ответила я. — Забыла? Так что не переживай за мои руки!

Камин, который мы топили, располагался как раз под этим крылом здания. Не скажу, что мы протопили его основательно, но пол ледяным не был, да и в комнатах было заметно тепло.

Спровадив Ивонну и усадив Розы с Итаном в одной из спален на кровать, я укутала их как следует.

Поделив честно с Розы оставшийся ломоть хлеба, мы позавтракали. И оставшийся кусок сахара я Розы отдала.

— Но я слышала, — возразила Розы, нерешительно глядя на лакомство, — что бабушка Ивонна велела вам отдать его... или ребенку.

Я усмехнулась.

— Ну, во-первых, она сейчас принесет еды. Купит и принесет. А во-вторых, кто главнее, я или бабушка Ивонна?

Розы задумчиво посмотрела на меня и ответила:

— Пожалуй, все же вы. Иначе не было бы у нас этого чудесного дома.

И тотчас же с жадностью принялась грызть сахар. Бедняжка. Наверное, она и мечтать не могла, чтобы было вот так — без крика, без побоев и без страха.

— Чудесного? — улыбнулась я. — Так дом тебе нравится?

— Конечно, — уверенно ответила Розы, кивнув головой. — Он, конечно, грязный. Зато большой, красивый и весь-весь наш! Да и госпожа Зина сюда никогда не осмелится прийти...

Розы оглянулась на дверь, желая убедиться, что ее бабушка точно ушла, и таинственным шепотом произнесла:

— Бабушка Ивонна часто рассказывала страшную сказку про нее и про этот дом.

— Что за сказка?

— Про то, как призраки этого дома до смерти напугали госпожу Зина!

— Вот как? И как же?

— Они схватили ее под руки и таскали под потолком! — страшным шепотом ответила Розы. — А потом заставили ее маршировать по стенам! Швыряли друг другу, ну как мяч! Бабушка Ивонна сама видела! И то, как госпожа Зина ударялась о стены и падала вниз! И то, как снова взлетала к потолку и там болталась!

— Какое пылкое воображение, — проворчала я. Думаю, эти байки Ивонна рассказывала Розы, чтобы утешить ее после очередного избиения.

Немудрено, что Розы так понравился дом, «наказавший» ее мучительницу.

— И что, всю ночь ее таскали духи?

Розы отрицательно pokrутила головой.

— Это было днем. И продолжалось до тех пор, пока хозяин не взмолился и не пообещал дому, что госпожа Зина покинет дом навсегда. Поэтому они уехали.

Преинтересная история!

Жаль, я не помню подробностей, из-за чего мы покинули этот дом.

Не помню вообще.

— Ладно, достаточно болтовни! — скомандовала я. — Будем убираться!

Для начала я определила, где будут наши комнаты.

Себе я определила комнату справа от ванной, Ивонне с Розы — слева.

Когда мы будем топить у себя, то нагреем и ванну. Там всегда тепло будет.

А мне с маленьким Итаном это очень важно! Его ведь надо купать каждый день.

Одну из своих старых сорочек я пустила на тряпки. Набрала полведра золы в остывающем камине, развела щелока.

Этим щелоком я залила ванну и долго терла ее, соскребая грязь с полированных медных стенок, пока они не стали розовато-оранжевыми и не заблестели.

Промыла я и стены, и пол в небольшой комнатке, и засиженное голубыми окно.

В углу отыскалась старая щетка. Я как следует прополоскала ее в мыльной воде, вымыла из щетины паутину.

Этой щеткой выскребла многолетнюю всю пыль из углов, оттерла до чиста плитку на полу.

Пол из серого, грязного, превратился в оранжево-коричневый. Он был выложен керамической плиткой, обожжённой в печи, с красивым эмалевым рисунком. Под ногами эта плитка не скользила, и ступать по ней, по чистой было приятно.

Стены были белыми, гладкими и блестящими, словно полированные.

Оконная рама оказалась из благородного белого дерева. Легкая, выточенная аккуратно и точно. Подоконник бы широкий, прочный. А за окном открывался чудесный вид на распускающийся весенний сад!

Деревья в нежной зеленой дымке молодых листьев.

Тишина и умиротворяющий покой.

— Все-таки, здесь неплохо, — произнесла я, чувствуя, как в моем сердце поселяется тихая радость. — Здесь даже очень хорошо. Если мачеха и правда побоится сюда сунуться, то здесь для нас самое настоящее райское место.

Зря я боялась, что дом будет ветхий! Его строили из хорошего камня и дерева, на века. Он был надежный, добротный. А грязь, пыль... что ж, не беда! С этим мы справимся!

Стекла в ванной пришлось перемывать раза на три. Уж очень они были посечены дождями. Серые, мутные, непроглядные.

Но зато после мытья они стали прозрачными, светлыми.

Свет весеннего утра пролился в отмытую комнатку. Солнечными яркими зайчиками заплясал на полу и на стенах. Заиграл на начищенном до блеска кране.

В отмытой комнате остро запахло свежестью и весенней зеленью.

Серые рваные занавески с окна я сдернула с гардины, отправила их в ведро с щелоком.

В любой другой день я бы их просто вышвырнула. Но теперь мне приходилось быть экономной.

«Отстираем, прокипятим и починим!» — решительно подумала я.

В комнате, где сидела Розы, я затопила камин, натаскав выломанные доски. А то она уже нахохлилась, как птичка на ветке, и Итана прижимала к себе как грелку.

Все-таки, Итан золото, а не ребенок. Поел — спит. Проснулся — поел. Снова спит.

— Только б у него не разболелся живот, или что-то в этом роде, — бормотала я, подкладывая доски в пламя. — Сейчас будет теплее, минутку подожди. Я наломаю еще досок, натопим это крыло так, что жарко будет!

— Где ты собираешься взять их?

— Да вон же, заколоченное крыло стоит. Разберу там, и...

Розы опасливо покосилась на дверь.

— Может, не надо? — шепотом произнесла она. — Вдруг дом не разрешит туда ходить? Сюда он нас пустил, потому что мы замерзли и устали. И он нас пожалел. А туда он нас не приглашал!

Я усмехнулась.

— А я и не собираюсь там ходить. Просто доски возьму. Мне бы с этими комнатами разобраться. А там будем наводить порядок, когда здесь обживемся.

Рози снова тревожно посмотрела на меня и вздохнула.

— Ты хорошая, — вдруг застенчиво призналась она. — Правда, хорошая. Я не хочу, чтоб тебя призраки наказали, как госпожу Зина. Если им придется обещать, что мы уйдем... идти-то нам некуда! Я очень переживаю... ну, вдруг им покажется, что ты что-то не так сделала, и они тебя... Я не хочу!

Эти слова она выкрикнула отчаянным, пронзительным голосом. Словно нож мне в сердце всадила. Даже дышать стало трудно от отчаяния, которое я услышала в ее словах.

Губы у нее задрожали. Она расплакалась, а я даже пошевелиться не смела.

Не смела подойти и обнять. Потому что вся девочка казалась мне открытой кровоточащей раной.

— Милая, да что ты себе там придумала...

— Ты не можешь быть моей мамой, — ревела Рози, всхлипывая и вздрагивая всем телом. — Но ты хорошая! Хорошая! Я хочу, чтоб ты рядом была! Я не хочу и тебя потерять! Знаешь, как иногда хочется, чтоб кто-то пожалел, заступился?

— Знаю, — прошептала я, с трудом проглотив ставший в горле ком. — Знаю. Вот как мне сейчас хочется, чтоб меня защитили и пожалели.

— Давай, — всхлипывала Рози, — ты будешь жалеть меня, а я — тебя? А бабушка Ивонна всех пожалеет, она добрая...

Я бросила дрова и поспешила ее утешить.

Прижав к себе ее вздрагивающее тельце, я утерла ее грязную мордашку, ее налитые слезами глаза и ободряюще улыбнулась.

— Думаю, если призраки поняли, что мачеха плохой человек, то их не так-то просто ввести в заблуждение, — произнесла я. — А если они нам позволили здесь пожить, значит, не сердятся на нас. И если мы будем дружны, то и дальше не тронут. Ну, не плачь!

Когда Ивонна, тяжело пыхтя и волоча ветхую корзинку, вернулась домой, я уже домывала ее комнату.

Конечно, почти всю мебель из дома вывезли.

Кровати остались. Но только потому, что их тяжело было разбирать и вытаскивать в дверные проемы. Но ни перин, ни белья на них не было.

Так же, как и полога над ними.

Но разве это беда? Если есть ковры, которые можно свернуть и положить вместо матраса?

Я наломала в саду веник из свежих веток с листьями и смела всю паутину и пыль со стен, из углов комнат.

Собрала мусор, и отмыла полы, да так, что теперь на дубовых досках можно было увидеть узор и пересчитать все сучки.

Пришлось трижды менять воду и разводить нового щелока, пока я не оттерла начисто плинтуса, двери и дверные косяки.

Щеткой я прошла по углам, выметая мусор.

Вода то и дело переставала пениться от грязи. Тогда я спускалась, выплескивала ее за порог, наливала свежей и начинала все заново.

В моем доме будет чистота и порядок! Мы будем жить как люди, как достойные люди, а не как презренные нищие и бездомные!

С этими мыслями я снова бралась за щетку и терла, терла все поверхности, смывая многолетнюю пыль... так истово, словно могла смыть пятно и со всей своей жизни.

Но зато грязи не осталось. И благородное дерево заблестело, отчищенное.

Камины я вычистила, выгребла из них слежавшуюся в камень золу, и выскребла каждый кирпичик, чтоб не было ни песчинки лишней. В чистом камине и дрова горят веселей!

Я затопила их оба, чтоб нагреть наши с Ивонной комнаты.

Детям нужно тепло; нравится, не нравится ужасным привидениям, а я выломала доски с заколоченного крыла здания и разложила их у каминов, сушиться.

Кровати в комнатах, запыленные и серые, были единственной мебелью. И я их тоже отмыла.

До блеска натерла тряпкой полированные ножки и спинки.

Резные изголовья нашоркала щеткой так, что все головки ангелочков, вырезанные в красном дереве, заулыбались.

Самое трудное было отскрести окна.

Серые от пыли непроглядные стекла приходилось перемывать и перемывать, снова и снова.

Рамы пришлось отскрести щеткой, развозя по белому дереву грязные разводы.

Зато потом, когда я ополоснула в последний раз стекла, в комнатах сразу стало светлее.

И обметенные, очищенные от пыли обои оказались не такими уж темными.

А еще я спустилась вниз и отыскала комнатку, где располагался водяной насос и бак для воды.

Под баком я развела огонь в железной маленькой печи.

Это означало, что в ванну можно будет набрать горячей воды и помыться. И мне после уборки, и Ивонне после дороги.

И детям.

Так что Ивонну я встретила на пороге дома, в подоткнутой юбке, с метелкой и тряпкой в руках.

Старая служанка только руками всплеснула, бросив корзинку на землю и залившись слезами:

— Что это вы удумали, госпожа Эрика! Тряпка! Метла! Негоже вам руки сбивать! В холодной грязной воде их портить!

— Поздно переживать о моих руках, Ивонна, — весело сказала я, отряхивая порядком истрепанную импровизированную метлу. — Я славно поработала сегодня и хорошенько убралась, приготовив комнату и тебе, и себе.

— Мне! — прошептала Ивонна, хватаясь за сердце. — Барышня мне прислуживает!..

— Не прислуживает, а вносит свою лепту в общее дело! Ты помогаешь мне, а я — тебе. Ты принесла нам всем еды, а я приготовила нам условия для удобной жизни. Ну, что там у тебя? Есть чертовски хочется!

Старая Ивонна молчала, заливаясь слезами. Она даже не сразу смогла нащупать ручку корзинки у своих ног. Я спустилась с крыльца, помогла ей.

— Ну, чего ты, в самом деле? — я отерла от слез ее морщинистые щеки. — У нас теперь новая жизнь. Не надо вспоминать то, что было раньше. Теперь у нас все иначе. Ты заботишься обо мне, а я — о тебе. И так будет всегда. Это наш новый закон.

— Вы так добры, госпожа! — всхлипывала Ивонна. — Ах, да что это я, старая дура! Конечно, вы проголодались! Ну, идемте же скорее в дом, а не то застудитесь!

Мы поднялись по ступеням и вошли в дом.

В нем и правда было намного теплее, чем на улице.

Слышно было, как потрескивают дрова в печи, как свистит, закипая, вода в баке.

— Постирать одежду можно, — почти мечтательно произнесла Ивонна, волоча корзину.

— И помыть волосы! — поддакнула я ей.

В чистой ванне, в горячей воде сначала мы с Ивонной сначала вымыли Розы.

Мыла не было, пришлось снова щелоком справляться.

Но зато после него кожа девочки сияла, как мраморная! И волосы отмылись с первого раза.

Мы отмыли ее грязную зареванную мордашку. Ее чернящие руки и ноги.

Промыли и аккуратно прочесали обломком гребешка, завалявшимся у Ивонны в кармане, каждую прядку волос Розы.

От горячей воды ее темные волосы начали виться на висках золотистыми кудряшками.

Мордашка девочки зарумянилась. Из черт ее исчезло затравленное выражение.

И Розы как-то незаметно стала просто непосредственным ребенком. Маленьким, беззащитным и хрупким.

А не покорной деревянной прислужницей, на плечи которой можно сгрузить всю работу.

Я сняла с ее больной ножки повязку, насухо вытерла ее ступню и перебинтовала наново сухими бинтами.

— Вот видишь, — похвалила я Розы, — с ногой все в порядке. Как все хорошо выходит, если меня слушаться, да?

— Да! — радостно согласилась она. — Нога-то совсем не болит! Еще пара недель, и я буду здорова!

— Месяц, — отрезала я. — Если будешь меня слушаться, то месяц!

Затем я завернула девочку в свою старую, но чистую ночную сорочку, и отнесла в постель, кое-как прикрытую моими тряпками.

А сама набрала свежей воды и принялась купать Итана.

Младенец тоже страдал без ежедневного мытья.

Когда я набрала теплой воды и положила его туда, он просто заснул у меня на руках.

Ополоснув его немного, погладив его ручки и ножки, все в трогательных складочках, я его вынула, завернула в тряпки и передала Ивонне.

— Неси его скорее в комнату, там жарко натоплено! — велела я.

А сама, что уж греха таить, так и рухнула на пол, стоило Ивонне выйти за дверь.

Благо, пол был теплый.

Прижимаясь щекой к нагретому кафелю, я слушала, как из ванны стекает по трубам вода, и считала частые удары своего сердца.

Поработала я совсем немного, а устала очень сильно.словно целое поле вспахала.

Несколько мгновений тепла и покоя показались мне раем. Ни с чем не сравнимое наслаждение.

«Ну, ничего, — уговаривала я себя. — Это только первый день. Это самое начало! Дальше я буду сильнее! Дальше будет легче!»

В корзинке у старой Ивонны оказалось так много снеди, что глаза у меня разбежались.

На горсть медяков она умудрилась купить и бутылку молока, и круг хлеба — не белого, а ржаного, конечно.

Но он был свежий, мягкий и вкусный настолько, что язык можно проглотить.

Кроме этого, Ивонна принесла несколько яиц, совсем немного чая, завернутого в белую бумагу, кусок масла и кусок сахара.

— Всего два медяка осталось, — сокрушаясь, произнесла она, возвращая мне позеленевшие от времени монеты. — На потом... на что-нибудь, да хватит.

— Осталось?! Ивонна, да ты просто гений маркетинга! Купить столько всего на горсть медяшек!

— Чего? — удивилась старушка.

— Ох, ничего. Это просто я припомнила ученое слово из книг... Ну, давайте же обедать! Есть ужас как хочется! Да и дети проголодались, держу пари!

В своей свежей новой комнате, глядя на отмытую кровать, которая теперь сияла в лучах весеннего солнца, Ивонна снова залилась слезами.

— Это все мне! — повторяла она, глядя сухой и жесткой ладонью красивое изголовье кровати. — И даже камин с дровами мне?..

— Ну, конечно, — как можно мягче ответила я. — Что за вопрос, Ивонна? Тебе тут спать с Розы. А я совсем не хочу, чтобы вы замерзли. Или чтобы заболели. Ну, ради всего святого, не плачь! Ну, чего ты?

Но Ивонна раскисла.

Она всхлипывала и все порывалась целовать мне руки, бормоча что-то о том, что больше меня для нее не делал никто.

Так что мне самой пришлось доставать из ее корзинки хлеб, масло и молоко, и делить на всех.

Поначалу Ивонна отказывалась есть.

Словно чувствовала себя обязанной мне и хотела отплатить хотя б обедом, который ей полагался.

— Да я поела уже, — наивно выкручивалась она. — По дороге...

— Что ты ела? — сурово спросила я. — Хлеб цел. Бутылка с молоком полна. Ешь давай! Я не хочу, чтоб ты заболела. Ты нужна мне здоровой и сильной. И Розы тоже ты нужна. О ней подумай. Дитя растет без матери, без отца. Хочешь и бабки ее лишить?

Ивонна шмыгнула носом, но взяла из моих рук и хлеб, и масло.

Розы с непосредственностью ребенка ухватила свою порцию из моих рук.

И к сахару с охотой протянула ручонки, припоминая, какое вкусное это лакомство.

Сама я, торопливо запивая горбушку хлеба молоком, взяла проснувшегося после купания Итана и принялась его кормить.

— На сегодня-завтра хлеба хватит, — тяжело вздыхая, сказала Ивонна. — А что потом? Может, я устроюсь на работу к кому?

— А мне дома кто помогать будет? — строго спросила я. — С детьми сидеть? Работать я буду. Я моложе и сильнее.

— А зачем нам работать, — беспечно произнесла Розы, — если в доме есть клад?

— Розы, болтливый ты ребенок! — тотчас одернула ее Ивонна, словно испугавшись. — Что несешь?!

— Что? — удивилась Розы. — Ты же сама мне рассказывала. А дом нас принял. Значит, если мы будем себя вести хорошо, то и клад он нам отдаст. Вот тогда заживем!

Я поморщилась.

— Ну, Ивонна! Зачем забивать ребенку голову неправдой и сказками! Она же теперь искать будет...

Но, увидев внимательный взгляд старухи, я невольно осеклась.

— Так вы не знаете, госпожа? — очень спокойно спросила она. Без нытья и без бесконечных причитаний.

Словно удивившись, что я приняла ее слова как ложь, как выдумку.

— Не знаю чего?!

— Ну, чей призрак тревожит этот дом, и почему?

Признаюсь, у меня волосы на затылке шевельнулись.

— Не... не знаю, — произнесла я. И тут же встряхнулась, отгоняя липкий страх. — Да и знать не хочу! Это все бредни...

— Какие же бредни? — еще более пугающе ответила Ивонна, внимательно глядя на меня. — Разве вы не слышали о вашем предке, о Славном Николасе?

— Н-нет, — пролепетала я.

— Как? — всплеснула руками Ивонна. — Это ведь его портрет висит там, внизу!

— Что-то не заметила.

— О-о! Это потому, что он закопчен и черен! А раньше-то его содержали в чистоте и почете! И все потому, что он странствовал, со всего мира свозил сюда сокровища! Вот и дом вон какой отстроил! А потом завистливые люди его решили ограбить. Ночью пришли. Пытали...

— Голову ему отрезали! — кровожадно подсказала Роза.

Я укоризненно посмотрела на Ивонну.

— Ну, Иви... такие вещи ребенку рассказывать?!

— А он все равно не выдал, где спрятал золото! — торжествуя, закончила Роза, пока Ивонна, сконфуженная, молчала. — Спрятал в доме его! И теперь охраняет! И отдаст только хорошим людям!

Глава 4. Первые гости дома

Поручив Итана заботам Ивонны, я с удовольствием набрала воды в ванну и решила выкупаться. Мне нужно было смыть с себя не столько грязь, сколько липкое ощущение предательства и коварства.

Мне нужно было расслабиться в теплой воде.

Прогнать из памяти мерзкие ухмылки мачехи.

Гнусные намеки Юджина.

А то казалось, что от напряжения я вся дрожу. Еще чуть-чуть, и я лопну, как перетянутая струна. Это состояние нужно тоже поскорее с себя смыть. Или я не выдержу больше!

В горячей воде мне удалось немного расслабиться.

Я почувствовала, как перестают дрожать натруженные руки и ноги.

Плечи мои расслабились и обмякли.

С удовольствием я промыла волосы и стареньким гребешком Ивонны вычесала их.

Они были у меня просто роскошные! Тяжелые, каштановые, длинные и густые. Гладкие, как шелк. Сразу видно, что Эрика о них заботилась и ухаживала за ними.

В них не было ни единой спутанной пряди, ни единого места, которое нельзя было бы прочесать.

Что ж, больше красивых причесок мне на голове никто не возведет. Да и не нужно. Обойдусь простой косой!

Мне важно было привести себя в порядок, важно было выглядеть опрятно и красиво.

Мерзкие слухи обо мне итак пойдут. В этом я не сомневалась.

Поэтому я должна быть на высоте, чтоб вся гнусная грязная ложь разбивалась вдребезги о мой строгий образ.

Да, я должна быть строга к себе.

Юджин разрушил мою жизнь. Вот так запросто втоптал меня в грязь, ничуть не пожалев. Бездумно сорвал, как рвут полевые цветы.

И если когда-нибудь общество примет меня без презрения, права на еще одну ошибку у меня не будет.

Пока я возилась с волосами, вода порядком остыла. Поэтому я наскоро помылась, обтерев тело мягкой чистой тряпочкой, и поспешила вылезти.

Ивонна принесла мне чистую одежду, сорочку, какую-то серую простую юбку. Помогла одеться и привести себя в порядок. Заплела волосы.

Не бог весть какие вещи теперь были на мне. Но они были чистые, пахли свежестью. И я с удовольствием их надела, чувствуя, как прошлое меня отпускает.

На моем прежнем платье остался прежний запах, запах отчего дома, духов, пудры.

Наверное, даже запах завтрака, который подавали в день моей свадьбы, не выветрился.

Я не хотела ощущать его.

Не хотела вспоминать о доме, не хотела думать о нем.

— Ивонна, ты могла бы постирать мои вещи? — спросила я.

— Ну, разумеется! — радостно подхватила Ивонна. — Конечно, я сделаю это! И развешу сушиться, и прослежу, чтоб вещи не испортились!

Увидев меня, с чистыми прибранными волосами, раскрасневшуюся после ванны, Роза захлопала в ладоши.

— Какая вы красивая стали, госпожа Эрика! — восторженно выкрикнула она. — Совсем-совсем не бледная и не печальная! Вам идет улыбаться!

— Ну-ка, егоза, — буркнула на нее Ивонна, — не шуми. Малыша разбудишь! На-ка вот, — она придвинула ей поближе корзинку с Итаном. — Качай его, пока госпожа будет отдыхать. Ей нужно набраться сил. Она столько сегодня работы переделала!

— Только сначала ей надо гостей поприветствовать, — с готовностью придвигаясь к корзинке со спящим малышом, ответила Роза.

— Каких еще гостей? — удивилась я.

— Ну, того господина, что ждет уже целый час у крыльца, — беспечно ответила Роза, покачивая корзинку.

— Ты знала, что кто-то приехал, и молчала? — ахнула Ивонна. — Вот негодница! А если это что-то важное?

Но Роза лишь поморщила презрительно носик.

— Узнала только что. Но Дом мне сказал, — небрежно ответила она, — это нехороший человек. И помучиться ожиданием это меньшее зло, что он заслужил!

А я уже не слушала пояснения Розы. Сердце мое колотилось как сумасшедшее, когда я спускалась почти бегом по темной лестнице и пересекла холл. Потому что я интуитивно чувствовала, что это Юджин.

Какого черта ему тут понадобилось?

Мелькнула глупая надежда, что у него проснулась совесть. И он поможет мне с сыном.

Но стоило мне увидеть Юджина, как эта надежда тотчас же умерла.

Он топтался около моего дома, не решаясь зайти внутрь.

То ли боялся испачкать свой дорогой костюм, парчовый жилет и горчичные бриджи. То ли брезговал.

Наверное, он долго ждал. Маялся у крыльца, не зная, как вызвать меня. Устал и испытал зверскую досаду. Но не зашел...

Он был не один.

Неподалеку, взрывая копытами старые садовые дорожки, скакал отличный конь с маленькой наездницей.

— Папа, смотри, как я умею! — кричала юная амазонка и пускала коня вскачь.

Папа?

Час от часу не легче!

Девочка была совсем юна, лет десяти-двенадцати. Но уже одета как юная леди. В красивую амазонку и крошечную шляпку с вуалью.

Шляпка кокетливо надвинута на лоб.

Маленькие губки целомудренно и немного чопорно поджаты. Кокетка и манерна барышня.

Скорее всего, избалованная.

Противный ребенок, если присмотреться. Глаза... глупые и пустые. Точь-в-точь, как у Юджина.

Она вообще на него очень похожа. То же выражение туповатой кротости на лице. И при этом холодная, острая подлость где-то на дне глаз.

— Смотри, как я умею!

Ее конь промчался по старым клумбам, на которых бурно разрослись пионы, и перескочил через кусты шиповника.

На землю посыпались переломанные цветы, розовые растерзанные лепестки.

— Велите своей дочери прекратить разрушать мой сад! — раздраженно рыкнула я, сделав решительный и угрожающий шаг навстречу Юджину. — Это не место для конных прогулок!

То ли вид у меня был суровый, то ли Юджин не ожидал от меня такой резкости.

Но так или иначе, а он испуганно отпрянул, и лишь потом взял себя в руки и попытался принять независимый вид.

— Ты хорошо выглядишь, Эрика, — сладенько похвалил он меня. — Посвежела. Здешний воздух тебе явно на пользу!

Я недобро усмехнулась.

— Хочешь, тебе отсыплю? — в тон ему спросила я, припоминая свою первую ночь в этом доме у камина, на полу. С маленьким ребенком!

От мысли об Итане, о моем малыше, вынужденном спать тут, не в постели, а в корзине, у меня кровь в жилах закипела.

Особенно больно по сердцу резанула разница между моим ребенком и вот этой девочкой, всадницей.

Я могла оценить ее наряд, ее лошадь. Сбрую.

Все было отличного качества и очень дорогое.

— Папа, — заканючила девчонка, направляя свою лошадь к нам, — ну, когда мы поедem? Ты обещал, что мы успеем к началу торгов! А я хочу самую лучшую лошадь! Ты обещал!

Лошадь, значит...

Она смотрела на меня с детской непосредственностью и любопытством. Глазела нескромно, рассматривая, как какую-то неведомую зверушку.

Неприятный взгляд...

— Это как же понимать?! — насмешливо произнесла я. — Вы собирались на мне жениться, господин Юджин Ваган, а у вас, оказывается, дочь имеется? Не знала, что вы сторонник гаремов!

Юджин вспыхнул багровым румянцем.

У него было на редкость неприятное лицо при этом.

Пунцовые пятна только подчеркивали его излишнюю полноту, жирный подбородок и потную шею.

— Ее мать оставила мне ее на воспитание! — зашипел он злобно, торопливо шагнув ко мне и попытавшись схватить меня под локоток. — О каком гареме вы толкуете?! Здесь ребенок, постыдитесь! Я думал, мы женимся, и вы станете примерной матерью моей крошке. А вы выкинули такой фортель — родили непонятно от кого! Конечно, ни о какой женитьбе и речи быть не может! Что за пример вы можете подать приличной девушке?!

— С вашей страстью к процессу изготовления детей стыдиться должны вы!

Юджин снова встряхнулся, как мокрый кот, и опять подлез ко мне.

Явно хотел, чтобы его пустоголовая девчонка не слышала, о чем мы говорим.

— Я не за этим к вам сюда приехал! — огрызнулся он. — Не пикироваться и уж тем более не обсуждать мою дочь!

— А зачем вы сюда притащились? Я вас не звала!

— У меня по вашей милости возникли проблемы! — выкрикнул Юджин и снова понизил голос, сообразив, что его дочь прислушивается к нашему разговору, раскрыв рот.

Я усмехнулась.

— Как?! Что?! У вас проблемы, а виновата я?! — воскликнула я изумленно. — Нет, такой наглости я от вас не ожидала!

— Папа-а-а, — снова капризно заканючила девчонка, — ну едем же! Я устала!

— Сейчас, милая! — ласково отозвался Юджин. И снова вцепился в меня, как клещ. — Не будете ли вы так любезны, Эрика, сходить в ваш дом и вынести мне свидетельство о рождении вашего сына!

— Это еще зачем? — удивилась я.

Юджин снова вспыхнул гневом.

— Затем, — уже зло произнес он, — что я хотел бы отнести его к законнику и отменить свое отцовство...

— Что?! — воскликнула я.

— Незачем строить из себя невинную жертву, — мерзко произнес он. — Я думал, что мы женимся, и готов был принять вашего... гхм... бастарда. Но сейчас... Я даже не уверен, что ребенок от меня. Почему я должен нести за него ответственность?!

— Ответственность? — ничего не понимая, переспросила я.

— Ну да! Законник напомнил мне, что я обязан каждый месяц перечислять вам некую сумму на содержание дитя. Так как я его признал своим сыном. Но я сделал это из благородных побуждений! Чтобы вашу честь спасти!

— Из благородных?! Да благородство и вы даже рядом не стояли!..

— Да мне все равно, что вы думаете! — огрызнулся Юджин, до боли сжимая мой локоть. — Только платить мальчишке, которого вы где-то нагуляли, я не собираюсь!

Его голос стал угрожающим, а глаза на гладком, заплывшем тягучим жиром лице, пустыми и удивительно глупыми.

— У нас и было-то всего один раз, — зло, сквозь зубы, произнес он. — Не может женщина забеременеть просто так, за один раз! Значит, мальчишка не мой. Почему я должен страдать?! Это несправедливо!

— Законник, — медленно произнесла я, — требует, чтобы вы платили мне алименты?..

— Если не заплачу, он посадит меня на неделю в тюрьму! — зло рыкнул Юджин. — И так каждый месяц! Почему я должен расплачиваться за вашу распущенность?!

— Он так и сказал! — подала капризный голос девчонка-наездница. — Но папа обещал мне красивую лошадь! А вместо этого его заставляют отдать мои деньги какой-то шлюхе!

Ее губы жалко задрожали, она изговилась зареветь.

— Шлюхе? — закипая, переспросила я.

Вряд ли девочка понимала во всей мере, что означало это слово.

И кого ее отец называл им.

Но меня это уже мало волновало.

— Юджин Ваган, — яростно произнесла я, высвободив руку из его липких пальцев. — Никакого свидетельства о рождении вы не получите! Вы будете платить мне столько, сколько положено!

— Ни гроша не получишь! — взревел Юджин, порываясь подняться за мной вслед. — Я сказал — сию минуту неси мне эту чертову бумажку, блудливая дрянь!

Я презрительно сузила глаза.

— Поднимись и возьми сам! — издеваясь, произнесла я.

Сомнений не было: он не осмелится.

Обветшалый дом, куда меня уpekла мачеха, пользовался такой дурной славой, что Юджин не посмел переступить его порог.

Несмотря на внушительный рост, на силу, заключенную в его плечах, он был все же отчаянный трус.

Он и меня-то боялся.

Это я поняла, когда в его руках вдруг объявилась короткая черная дубинка. Лакированная и отполированная его одеждой и касанием его рук.

Кажется, он замахнулся ею на меня.

Может, и не ударил бы.

Только пугал.

Но вдруг что-то произошло.

Из сада дохнуло таким ветром, что у девчонки с головы сорвало ее кокетливую шляпу, и она улетела. Длинная вуаль запуталась в кустах и разорвалась.

Светлые волосы девчонки растрепало, насыпало ей в прическу сухих прошлогодних листьев.

А лошадь ее так напугалась, что встала на дыбы и рванула прочь, унося визжащую всадницу.

И Юджин погнался за ней, испугавшись, что дочь пострадает.

А я поскорее заскочила в дом и захлопнула за собой дверь.

Ветер тотчас прекратился.

И уже трудно было сказать, был ли это обычный весенний порыв, перемена погоды, или нечто зловеще.

Юджин умирил коня, поймал его за узду и заставил стоять смирно.

Девчонка в седле визжала и ревела на весь сад.

Юджин ругался последними грязными словами.

Но на дом он смотрел беспомощно, не смея и близко подойти.

— Трус поганый! — торжествуя, произнесла я, глядя сквозь щели между досок, которыми были заколочены окна.

Глава 5. Семь раз отмерь, один раз отрежь

Ивонна видела нашу с Юджином перепалку и теперь торжествовала.

— Так ему и надо! — клекотала она, потирая руки. — Получил, получил! Ох, мало... Я бы его с лестницы спустила, чтоб катился до самых дверей и шею чтоб себе сломал!

— Нельзя такое говорить, Ивонна, — одернула ее я.

Ивонна всплеснула руками.

— Нельзя! — изумленно выдохнула она. — Это о хитрожопом-то подлеце нельзя?! О грязном насильнике нельзя?! Да я б ему своими руками голову отломила! Нос бы ему откусила и выплюнула! Еще хватило совести явиться сюда... Он хоть извинился?

— Извинился? — я усмехнулась. — Напротив. Он обвинил меня в возникших у него проблемах.

— Каков негодяй! — схватившись за сердце, воскликнула Ивонна. — Проблемы! Это у него проблемы?!

— Он сказал, что законник с него требует исполнения обязанностей перед ребенком, — нехотя призналась я. Ивонна разразилась злорадным клекотом.

— О-о-о, законник — это чистый дьявол, когда дело касается должников! — сообщила она мне. — И уж если он вскарабкается кому на шею, если крепко прихватит свою жертву, то устроит ад на земле! Никогда не думала, что я скажу это, но сейчас я рада, что он таков!

— Интересно, отчего он так мной заинтересовался, — задумчиво произнесла я.

— Видно, слышал о скандале в вашем доме, — пожав плечами, ответила Ивонна.

— Может, он с моим отцом дружил? И отец как-то пытался уладить наше дело? Или присмотреть за мной?

— Да что гадать-то, — ответила Ивонна. — Вам надо самой к нему сходить, госпожа Эрика. Конечно, ласковых речей от него не жди. Это злобный старый хрыч. Жирный плешивый клыкастый морж! Он выберит самыми последними словами. Но закон он блюдет свято. И то, что вам причитается, он зубами у похотливого козла выгрызет.

Я тяжело вздохнула.

— Что ж, — произнесла я. — Видно, придется получить свою порцию тумачков и от этого господина.

Тут Ивонна взгрустнула.

— Эх, — с тоской протянула она, — добрая, чистая душа вы! Вот за что? За что вам все это? И заступиться некому... и доброго слова произнести некому...

— Мне достаточно и твоих добрых слов, Ивонна, — ответила я. — Ничего. Переживу как-нибудь.

— Завтра надо вам сходить к законнику! — заговорщически прошептала Ивонна. — Чего тянуть? Денег-то младенцу надо! Он и пищи требует, и пеленок, и одежды. Сколько ж еще можно будет стирать эти две пеленки? Они скоро изотрутся, износятся, порвутся. А голышом он спать не станет. Замерзнет и будет кричать. Да и дров бы прикупить. Чем топить-то иначе?

— Я с вами пойду, госпожа Эрика! — тотчас сунулась Роза. — Бабушка пусть с малышом остается, не тащить же его с собой?

— Это еще зачем? — строго произнесла я.

— Как зачем? — изумилась Роза, широко раскрыв глаза. — Вы же благородная барышня! А благородной барышне неприлично появляться на людях без служанки! Кто вам поможет, кто прислужит, если что?

— Ох. Чувствую, если ты увяжешься за мной, помогать и прислуживать буду я! Как ты пойдешь с больной ногой? До города далеко. Я же не велела тебе ножку тревожить.

— Ну я же не могу всю жизнь просидеть на одном месте, — рассудительно ответила Роза. — Госпожа Зина всегда говорила, что вредно сидеть неподвижно, от этого начинают болеть. А идти я смогу! Я вот что нашла.

И она продемонстрировала мне деревяшку, крепкую рогатку на длинной ножке. Как раз ей до подмышки. Как костылик.

— Где ты взяла это? — удивилась я. Будь я ортопедом, я б поклялась, что этот самодельный костыль идеально подогнан под рост Розы.

— Да там, в куче дров, — наивно соврала Роза, тараща на меня честные-пречестные глаза.

И ни слова про дом, который помогает, ага. Словно кто велел ей помалкивать.

Хотя до этого болтала о покровительстве духов без умолку.

А я могла поклясться, что когда отрывала доски, которыми были заколочены дверные проемы, этой рогатки там не было.

Да и отверстий от гвоздей на этой рогатке не было.

Та-ак... тут поневоле поверишь в их байки о призраках!

— Ладно, — вздохнула я. — Что ж... пойдём со мной. Если удастся хорошо продать серьги, может, к доктору тебя свожу? Или найду умельца, который смастерит тебе кресло на колесиках?

— Что толку от этих умельцев, — заворчала Ивонна. — Только деньги берут! Кресло на колесиках! Оно, небось, дорогое. А сидеть спокойно на одном месте — бесплатно! Вот и пусть сидит, если хочет здоровой быть!

— Не ругайся, — рассмеялась я. — В самом деле, месяц просидеть на одном месте — это тяжело.

Дорога до города была длинна, но Роза на удивление легко с ней справилась.

Ее костылик-рогатку я обмотала длинными лентами ткани, чтоб она не натерла себе подмышку.

И Роза скакала на нем впереди меня.

Признаться, в город я вошла с опаской.

Боялась, что на меня все пальцами будут показывать.

Я чуть ли не по стеночке кралась, опасливо озираясь по сторонам.

Но то и мне повезло, то ли не такое уж жуткое я была чудовище. Но толпа забивать меня камнями не прибежала.

Да и на улицах было пустынно.

Все были заняты весенними хлопотами. Им было совсем не до какой-то там блудницы.

В городской ратуше я отыскала законника. И он повел себя так, словно сам ожидал моего визита.

— Эрика Эванс, я полагаю? — сурово произнес он, грозно сдвинув седые лохматые брови.

И прокуренные белые усы встопорщил.

В самом деле, на моржа похож. Забавно.

— Да, господин законник, — смиренно ответила я.

Законник перевел взгляд на Розу, скачущую, как воробей, вокруг меня.

Для этого ему пришлось повернуть бритую налысо, блестящую голову.

Жестко накрахмаленный воротничок впился в его жирный подбородок. И законник стал похож на моржа еще больше.

— Это еще что такое, — сурово рявкнул он.

Как будто ожидал, что я признаюсь, что и это мой ребенок.

Внебрачный.

— Моя служанка, сэр, — терпеливо пояснила я. — Госпожа Зина, моя мачеха, выделила мне девочку и ее пожилую родственницу, чтоб они сопровождали меня. Она полагает, что мне неприлично появляться на людях без прислуги.

— Сушеная желтая вобла! — смачно выругался законник. Он полностью оправдывал характеристику, выданную ему Ивонной. — Старая жадная помоечная сука! Выделила она! Тля! Старуху и калеку!

Я промолчала, слушая, как он сквернословит.

Он покрутил своей круглой усатой головой и громко запыхтел.

— Идем со мной, — резковато велел он, наконец. — Тут не место для разговоров.

В своем кабинете он покрепче закрыл дверь, и я даже зажмурилась от волнения.

Ну, наверное, сейчас он даст полную волю своему языку!..

Страшно даже подумать, какими эпитетами он меня наградит.

Но законник ругаться не стал.

— Как вышло, — быстро и без притворной стыдливости спросил он, — что ты родила вне брака, девочка?

Он смотрел мне прямо в глаза, приподняв свои лохматые брови.

И у него был взгляд человека, которому не стоит врать.

Да и плакаться в жилетку тоже.

Рыхлый и круглый снаружи, внутри этот человек был словно из железа отлит.

Деловой и цепкий.

Только факты. Только дело. Слюни и сопли не для него.

«Доберман, — невольно подумала я. — И я должна ему сказать «фас!»

— Южин Ваган изнасиловал меня, — просто, не тушуясь, ответила я, все так же глядя ему в глаза.

— Не ругайся! — предупреждая поток его брани, строго сказала Роза, указав на законника пальчиком. — Перед тобой две дамы! И одна из них — благородная девица! А я ее служанка! И обязана защищать свою госпожу от грубиянов вроде тебя! Стыдись!

Законник глянул на Розу, пошевелил гневно усами, но от ругани все же воздержался.

— Как это стало возможным?! — спросил он. — В твоём собственном доме?!

— Госпожа Зина пустила его в мою комнату. Каждый из них вел свою игру. Он хотел покрепче привязать меня к себе. Жениться и получить мое приданое. А мачеха...

Ком встал у меня в горле. Я почувствовала, как слезы жгут мне глаза.

— Она хотела избавиться от нас, — с трудом закончила я свою мысль. — Полагаю, и от отца тоже. Но доказать не могу.

— Старая баранья п..да! — зло рявкнул законник.

Не выдержал.

Роза охнула и зажала уши руками. Ее костыль со стуком упал на пол.

Законник зашагал по кабинету, заложив руки за спину.

Так он походил на пингвина, в своем черном костюме и в белой сорочке.

Он долго ходил, размышляя над моей историей. Ворчал и нервно дергал себя за ус.

Потом направился к своему столу.

Со всего размаха шлепнулся в кресло, так, что оно жалобно заскрипело.

Нервно выдернул ящик стола. Вытащил из него какой-то мешок и кинул его на стол.

Судя по звуку, там были деньги.

— Это на ребенка! — рявкнул сердито законник. — То, что положено!

— Вы сумели стрясти эти деньги с Юджина?! — изумилась я, нерешительно взяв мешок в руки.

Законник насмешливо глянул на меня.

— Если он задолжает кому-то свое сердце, — проворчал он, — я вырву его голыми руками, коль так велит закон. У меня и не такие платили. И помалкивали, как кроткие агнцы. Всегда к вашим услугам!

Он снова бросил взгляд на Розу.

Нервно закурил трубку.

— Женщина с младенцем, — проворчал он, — старуха и калека... Эти деньги помогут вам выжить. Но не избавят от бедности. Черт! А прижать старую корову мне нечем. Я могу сколько угодно обвинять ее в преступлении. Но нет свидетелей! Этот потрох чахоточной свиньи, Ваган, ведь не признается в содеянном, э? А ты сама не обратилась за справедливостью сразу же.

— Я была в растерянности, — тихо ответила я. — Да и отец хотел замаят скандал.

— Хотел замаят! — взорвался законник. — Хвост плешивого осла!..

— Я попросила бы вас, господин законник! — огрызнулась я. — Он мертв. А о покойниках не пристало говорить дурно.

— Где вы теперь обитаете? — спросил законник, чертыхнувшись еще раз.

— В моем доме.

— В вашем?..

— Дом с призраками, сэр. Так о нем говорят. Госпожа Зина отдала его мне.

— Старая сука! — снова вспылел законник, нервно прикусив мундштук трубки. — Этот чертов сарай!..

— Это крепкий дом, сэр. Он в хорошем состоянии.

— И он нас защищает! — выкрикнула Роза. — Он добрый!

Законник снова глянул на девочку. Теперь с удивлением.

— Это большой дом, — произнес он, наконец, с сомнением. — И очень запущенный. На те жалкие гроши, что Ваган может вам выделить, этот дом не поднять. Если б я мог чем-то помочь...

— Вы итак много для нас сделали, — сказала я мягко. — Больше, чем кто-либо еще. Полагаю, мне самой стоит приложить усилия, чтобы жить достойно. А не надеяться на кого-то и не ждать помощи. Так можно прожидать всю жизнь, и не получить ничего.

— Но ваш отец не мог не оставить завещания! Это неправильно! Старуха что-то намутила! Чую! Я хотел бы прижать эту старую шлюху, — доверительно сообщил мне законник. — Видит бог, я и попытаюсь это сделать! Потому что тут не все чисто. И Вагана тоже буду трясти. Но...

— Спасибо, — сердечно ответила я. — Действительно, это дорого стоит.

— Ваш отец, — грубовато ответил законник, — был мне другом. Не из тех, к кому ходят на званые обеды. Но положиться я на него мог всегда. Старый осел! — снова вспылел законник. — Привести в дом эту ядовитую сушеную жабу!

Он глотнул воздуха, взял себя в руки.

— Поэтому я постараюсь, чтобы в этом городе вас никто не обижал, — продолжил он. — Но люди злы, — он побарабанил толстыми короткими пальцами по столу. — А я не вездесущ. По-хорошему, вам бы найти покровителя... Ну, понимаете. Того, кто примет вас и ваше дитя...

Странно было слышать из уст старого сквернословия такое витиеватое и застенчивое предложение.

— Вы хотите сказать, мужа? — уточнила я.

Законник сухо кивнул.

— Боюсь, — грустно сказала я, — это будет сложнее, чем поднять и восстановить мой старый дом с призраками.

Мешочек бы полон серебряных и медных монет.

Словно Юджин, чертыхаясь, собирал последнее, чтоб отдать мне долг.
Это смешило и будоражило меня.

Приятно было осознавать, что этот высокомерный индюк понял, что не все так просто сойдет ему с рук. Это со мной можно было не церемониться. А безжалостный законник с парой дюжих вооруженных приставов — это не тот человек, от которого можно просто отмахнуться.

Легко могу себе представить, как он властно велит приставам отколошматить Юджина дубинами, если ему вдруг взбредет в голову с ним спорить.

Да и сам законник не так уж прост.

Держу пари, у него всегда при себе есть оружие.

И он хладнокровно и с воодушевлением прострелит колено любому, кто захочет с ним поспорить.

С этими приятными мыслями мы с Розы двинули в лавку, купить еды и всего необходимого.

Я чувствовала себя невероятной богачкой!

Вчера, выдав Ивонне горсть зеленых медяков, и получив хлеб и молоко, я чувствовала себя уверенной в будущем и спокойной.

А сегодня, с серебром в кармане, я думала, что могу купить весь мир!

Перво-наперво мы зашли в лавку со всякой вкуснятиной и накупили столько всего, что корзина моя стала тяжела!

Масла, сахара и молока — обязательно. Немного чая в бумажном пакетике.

Вернувшись домой, мне Итана надо кормить. А чтоб кормить, надо пить сладкий чай.

Розы так жалобно смотрела на пышный белый каравай, что я купила и его.

И девочка не удержалась, куснула его хрустящую свежую корочку.

— Ничего вкуснее не ела! — прошептала она, уписывая горбушку, которую я ей выломала из хлеба.

Много мяса мы себе позволить не могли. Но вот цыпленка — пожалуй.

— Ивонна сварит нам бульон, — сказала я, укладывая цыпленка в корзину. — Это придаст нам сил.

— Чур, мне крылышко! — захлопав в ладоши, закричала Розы. — Можно?! Можно, госпожа? Я очень люблю крылышки!

— Почему бы и нет, — весело ответила я.

Розы вдруг помрачнела.

— Госпожа Зина не позволяла мне их есть, — вздохнула она. — Нарочно навевалась на кухню, отрезала сырые крылья и ноги у куриц и выкидывала псам или котам.

А потом мы наведались в лавку портнихи.

Разумеется, заказать у нее платье — это было бы дорогим удовольствием.

Но приобрести тканей, как на пеленки и распашонки, так и на платье Розы, я могла.

Увидев отрез приятного кремового цвета, Розы так и всплеснула руками.

— Это мне? — как хитрюга догадалась?!

— Ну, ты же не хочешь ходить вечно как замарашка, — заметила я. — Вечером с Ивонной засядем за работу. Вы с Итаном будете у нас невероятными красавчиками! Пожалуйста, — я обернулась к помощнице портнихи снова. — Еще чулок. Две пары на взрослых женщин и пару для девочки.

— Двадцать медяков ткани, — стала считать женщина, подозрительно меня оглядев. — Нитки и иглы для шитья еще десять медных. И чулки пятнадцать. Итого... сорок пять.

Она сдвинула очки на кончик носа, внимательно глянула на меня.

Наверное, сомневалась в моей платежеспособности.

Но я достала свой мешок и отсчитала ей требуемую сумму.

— Где купить крепкие башмачки для девочки, не подскажете? — как можно более приветливо спросила я.

— О, мне?! — удивилась Рози, крутя головой. — Правда?! Честно?! А можно из козьей кожи и на каблучке?

Невероятная кокетка!

Женщина спрятала деньги в кассу и сменила гнев на милость.

— Я так понимаю, у девочки больная нога, — смягчившись, произнесла она. — Это, конечно, не мое дело. Но ей бы мягкие башмаки. Чтоб не давили. Из прочной ткани, или из войлока. Тут такие делает только один человек. Дальше по улице, лавка с синей дверью. Обычно он шьет обувь для стариков. Но, вероятно, если вы попросите...

— Но я совсем не старая! — возразила Рози рассержено. — Я совсем молодая! Мне еще замуж выходить! Так что лучше б мне надеть лаковые красные туфли, как у приличной барышни!

Женщина снова посмотрела на нее поверх очков.

— Вероятно, когда твой недуг пройдет, твоя мама так и сделает, — сказала она строго. — Купить тебе красные туфли и кружевной передник. Но сейчас лучше мягкая обувь. И она не так плоха. Обувщик на носке вышивает красивый узор. А подошва оставляет красивый ровный след.

— А узор красный? — деловито осведомилась Рози.

— Безусловно, — серьезно подтвердила женщина.

— Тогда годится, — согласилась Рози.

— Спасибо за совет! — весело сказала я. — Вы очень добры!

Мы вышли из лавки и двинули дальше.

— Вы слышали, госпожа? Она подумала, что вы моя мама! — радостно болтала Рози, скача на своем костыле впереди меня.

— Что ж, в какой-то мере так и есть, — ответила я. — Я же буду о тебе заботиться и опекать, как настоящая мать.

— Вы так добры, госпожа! — восторженно выдохнула Рози.

— А ты очень кокетливая девочка, — заметила, посмеиваясь. — Красные лаковые туфли, значит?

Рози беспечно пожала плечами.

— Но вы же молодая и красивая госпожа, — простодушно ответила она. — И очень добрая и щедрая. А я ваша служанка. Я же тут не просто так, я вас сопровождаю! Чтоб все было прилично! А у молодых господ служанки всегда красивые. Даже красивее них самих!

Девочка даже ахнула, рисуя себе в воображении великолепие, к которому стремилась.

— Однажды я видела госпожу, — продолжила болтать она. — Та приходила к мадам Зина, и они пили чай и разговаривали. Сама молодая госпожа была одета во что-то серое. Платье цвета как мешок с картошкой. На груди только белый крест. Одна планка от горла до талии, и вторая через всю грудь. Ужасно некрасиво. А вот служанка у нее была загляденье! Синее светлое платье из бархата. Кружевной чепчик! Кружевной накрахмаленный передничек! Целых десять белых нижних юбок, и все с кружевами! И нижние штанишки, — Рози многозначительно понизила голос и выразительно глянула на меня, — белоснежные и кружевные. Понимаете?

Я так и встала посреди тротуара.

— Серое платье с крестом, говоришь? — еле вымолвила я.

— Ну да, — простодушно продолжила Рози.

— Сестра Умиротворения!

Рози снова кивнула.

— Кажется, так их зовут, — согласилась она. — Добрые, но глупые и доверчивые создания.

— Это еще почему? — удивилась я.

— Потому что госпожа Зина ее обманула. Вот так запросто. И та и поверила, будто в жизни не слышала вранья! И не подозревает даже, что оно существует.

— Обманула?!

— Она чай толком не пила. Все хныкала и жаловалась, что совсем не может есть. Что живот болит уже месяц. И рвет. И эта, с крестом, ей поверила! И дала какое-то лекарство. Сказала, что принимать его надо осторожно. А когда она ушла, госпожа Зина тут же слопала целую свиную отбивную в жирной подливке! Вот так болит у нее живот!

У меня от волнения голова закружилась.

Болезнь, которой не было, лекарство, которое было не нужно...

Что и для кого приобрела мачеха?!

Я словно наяву увидела ее гадкую усмешку, ее мутные желтые глаза.

Надо бы законнику рассказать об этой странности. Он наверняка докопается до правды.

Вернуться назад? Но мы проделали уже такой большой путь. И корзина у меня тяжелая. Да и Розы с ее костылем болтаться туда-сюда трудно.

— Ну ничего. На обратном пути обязательно к нему зайдем, — пробормотала я. — Ладно. Уж об этом я не забуду!

Мы продолжили наш путь до указанной лавки, но кое-что нарушило наши планы.

— Врач! — воскликнула я, остановившись под вывеской. — Давай зайдем к нему? Мы же хотели твою ногу показать. Может, он поможет нам смастерить шину.

— Шину? — переспросила Розы. — Это что такое?

— Ну, приладит две прямых палочки, примотает их бинтом, чтоб они держали ножку прямо, — ответила я.

И мы решительно вошли в двери дома местного лекаря.

Но тот принял нас неласково.

— Шина? — переспросил этот почтенный джентльмен высокомерно, осмотрев меня с головы до ног. На его худом желчном лице выписалось презрение. — Это кто поставил диагноз? Кто сделал назначение?

— Я, — простодушно ответила я. — Да вы сами посмотрите. У девочки нога вывихивается из сустава. Я и сама наложила бы шину, но изготовить ее...

Он гневно замотал головой.

— «Посмотрите» будет стоит вам пару серебряных! — язвительно произнес он. — Или вы думаете, что я веду прием и ставлю диагнозы бесплатно?!

— Но...

— А! Вы, глупая молодая деревенская девчонка, решили, что я должен полагаться на диагноз, который вы поставили! Так?! — продолжил он издеваться.

— Нет, но...

— А наложение шины, — продолжил этот вредный доктор, — будет стоить вам еще один серебряный! Так что вы из своей деревни пришли не по адресу, дорогая! Возвращайтесь в ваше село обратно и идите к местному кузнецу. Вероятно, он вам привяжет палку к ноге, ха-ха!

У меня все клокотало внутри от его издевки.

— Три серебряных! — ахнула Розы. — Госпожа! Это так дорого!

Доктор снова усмехнулся.

— Госпожа! — фыркнул он. — Что за захолустье, где госпожа — это любая девка, которая в состоянии купить кусок хлеба? И эти ничтожества еще лезут, указывают мне, как работать!..

Я оглянулась на Розы.

— Это он тебе ногу вправлял?

— Нет, — ответила она, опасливо выглядывая из-за моей юбки. — Тот был молодой и добрый. А этот старый, и от него воняет, как от протухших яиц!

Она показала разъяренному доктору язык и спряталась за моей спиной.

— Вон, вон! — заорал этот странный лекарь. — Не мешайте мне работать! Скоро придут клиенты за микстурами! Пошли вон!

Да мы бы и ушли.

Но тут снова открылись двери, и к врачу ввалились сразу несколько человек.

Притом с криками, с плачем и воем.

Так стремительно, что мы с Розы оказались прижаты в углу. Потому что в комнате сразу стало тесно.

А посетители, все так же вопя и рыдая, уложили на лекарский стол бледного мальчишку.

И одежда его была окровавлена.

— Господин врач, помогите! — взывала полная женщина, заламывая руки. По виду, простая крестьянка из хорошей, зажиточной семьи. — Мы хорошо заплатим! Очень хорошо!

— Бык ему рогом вспорол живот, — сухо выдавил из себя мужчина. Вероятно, отец. Одет тоже добротно. Наверное, фермер или мясник... — Мы сразу к вам. Живот перемотали, и к вам. Это ведь не смертельно, доктор?

Третий мужчина, верно, помощник или наемный работник, молча стоял, уронив руки. Будто в случившемся есть доля его вины.

— Позвольте мне самому решать! — фыркнул врач. Он важно прошел к застекленному шкафу, достал железную коробку с инструментами, и так же неторопливо прошел обратно к столу.

Мальчишка стонал и извивался, прижимая ладони к животу.

И мужчинам насилу удалось уговорить его открыть рану.

Врач убрал тряпки и присвистнул.

— Не жалец, — как отрезал он. — Кишки наружу.

Мать так и взывала. Отец ухватил ее за плечи, стараясь успокоить ее истерику.

А я, вытянув шею и рассмотрев ранение, не отдавая себе отчета, воскликнула:

— Черта с два! От этого не умирают!

Родители с безумной и яростной надеждой обернулись ко мне.

— Вы чего, госпожа?! — зашептала Розы, дергая меня за юбку. — Хотите, чтоб они подумали, что лекарь их обманывает и отдубасили его?!

— Пять стежков наложить, — резко продолжила я, сделав шаг к столу, — и он до ста лет доживет!

— Опять ты! — взвился доктор. — Шарлатанка! Зачем ты даешь напрасную надежду этим людям?! Бык его вывернул наизнанку, ты что, ослепла?! Он умирает от боли!

— Вправьте ущемленный краями раны кишечник на место, — резко велела я ему, — и он прекратит умирать от боли!

— Он потерял много крови!..

— Не так уж много! Всего-то попачкал одежду!

— Вы можете вылечить его?! — заверещала мать. — Пожалуйста!

— Могу.

В моей голове как будто что-то перещелкнуло.

Так бывает, когдаходишь в операционную и видишь, с чем тебе придется работать.

Наступили привычный покой, сосредоточенность.

А еще злость.

Знаю, хирурги — не самые нежные создания на земле.

Скорее даже наоборот.

Если работа идет на грани — я это точно знаю, — моему словарному запаса позавидовал бы и сквернослов-законник.

— Если можешь, — взревел желчный докторишка, — то тащи этого дохляка в свою деревню и там его зашивай дратвой для сапог! А в моем доме никто не станет возиться, потому что я говорю — он не жилец!

— Дайте хоть инструменты! — выкрикнула я. — И мы все сделаем без вас!

— Чтобы потом с меня спросили, почему я позволил вам кромсать моего пациента?! Вот еще!

— Помогите! — всхлипнула мать. Я ответила ей кратким кивком.

И указала на побагровевшего врача.

— Этого в жопу, — резко велела я.

Работник угрожающе навис над врачом, и тот сам забился в угол, руками и ногами отгораживаясь от посетителей.

— Я попрошу без рук! — верещал он.

— Спирту и бинтов! — велела я коротко, ступив к мальчишке.

Доктор лишь опасливо указал на шкаф.

И Розы, малышка Розы, на своем костыле заскакала туда!

Бинты она нашла сразу. Бутыль со спиртом мне принес отец мальчишки.

— Ну-с, — произнесла я, ополаскивая руки в спирту и заляпывая пахучими каплями весь пол. — Как это произошло?

— Я нечаянно, — бледными губами простонал мальчишка.

— Нечаянно, — повторила я. — Дразнил быка? А маковая водичка тут есть? Деревянная киянка?

Работник дал хорошего тычка докторишке. И тот снова опасливо и поспешно кивнул на шкаф.

Маковая водичка — это был местный аналог обезболивания. Но годился лишь немного притупить боль.

Мальчишке было разрешено сделать один глоток.

После него от блаженно откинулся на спину. Вероятно, ему стало немного легче.

В этот момент дверь снова открылась. К врачу пришел тот самый посетитель за микстурами.

Я толком не разглядела его. Некогда было по сторонам глазеть.

А вот доктор приободрился.

— Господин Кристиан! — заверещал он из своего угла. — Спасите! Убивают!

Посетитель встал на пороге, оценивая ситуацию.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Голос у него был очень спокойный, лишь немного удивленный. Словно это не перед ним стоял разъярённый папаша с киянкой в руках.

— Спасаем жизнь вот этому молодому человеку, — пробормотала я, смачивая бинты спиртом и осторожно отирая кожу от крови.

Мальчишка стонал и метался.

— Нет, конечно, это будет не шитье...

— А доктора зачем взяли в заложники? — в голосе за моей спиной послышался интерес.

— Никто его не брал! — воскликнула Розы. — Он лечить не хочет! И инструменты не дает!

— А, понимаю! — уже весело произнес посетитель. — Решили все взять в свои руки?

— И надеюсь, что наше предприятие увенчается успехом, — протянула я, рассматривая в коробке доктора пакет с нитками.

— Эй! — взвился тот в своем углу. — Это воловь жилы! Знаете, сколько стоит такой материал?!

— Розы, — велела я, — поищи у меня в корзинке серебряный и дай этому господину. И пусть заткнется и не говорит под руку.

— На, жадина! — выкрикнула Розы.

— А вы, надеюсь, — продолжила я, спиртом заливая все инструменты, — не будете нам мешать? У мальчишки есть все шансы выкарабкаться, если оказать ему помощь. Так что я была бы признательна, если б вы не стали звать на помощь.

— О, не беспокойтесь, — любезно ответил посетитель. — Я вам даже могу помочь, если нужно.

— Господин Кристиан?! — возмущенно выдохнул изумленный врач.

— Что? Не могу же я обречь молодого пациента на смерть, — возразил тот, кого называли Кристианом. — Придется делать за вас вашу работу!

А я, приготовив все необходимое, обернулась к отцу.

— Ну, а теперь придется дать ему наркоз, — сказала я. — Будете... гхм... анестезиологом. Дайте ему по голове киянкой, чтоб потерял сознание.

— Что?! — ахнул отец.

— Вырубите его. Вы же мясник, полагаю? Значит, знаете, куда надо бить. Только аккуратно. Оберните киянку полотенцем.

— А иначе нельзя?

Я указала на мальчишку.

— Ему итак больно. А мы будем тыкать в него иглой. Это еще больнее. Он будет дергаться и может серьезно себе повредить. Ну?

Отец не решался. Глаза его бегали.

— Можете потренироваться на докторе, — вдруг предложил тот, кого называли Кристианом.

А мне нравится этот парень!

Я обернулась, чтобы посмотреть на этого находчивого человека...

И обмерла.

Синие-синие глаза.

Это первое, что я увидела.

Невероятной красоты синие глаза под черными-черными ресницами.

Мне показалось, что у меня кружится голова, и миры стремительно перемешиваются в голове.

Я испытывала острое желание тотчас бежать куда-то с воплем, полным восторга и невероятного потрясения. И одновременно с этим не могла и пальцем пошевелить.

Резко захотелось хлебнуть спирта из докторской бутылки. Почему-то.

«В руки! — резко велела я себе. — Возьми себя в руки и подтяни слетевшие трусы, дурочка! Стыдоба какая! Хотя, конечно, господин Кристиан — этот тот мужчина, при взгляде на которого можно умереть!»

И это было правдой.

Кроме ослепительных синих глаз господин Кристиан был обладателем не менее ослепительных черных роскошных блестящих волос, умопомрачительной красоты лица с тонкими благородными чертами, и роскошной атлетической фигуры.

— По команде «анестезия» будете бить, — велела я отцу мальчишки, как только мой пересохший от волнения язык согласился ворочаться.

Тот вдруг подскочил к доктору и неожиданно ткнул его киянкой.

Доктор молча сполз по стене.

Он был в добротной, хорошей такой и глубокой отключке.

— Отличная работа, — похвалила я доморощенного растерянного анестезиолога. — Кстати, если не надо держать доктора, то может, выведете вон мать? Это зрелище не для ее глаз.

Работник подчинился.

А мы подступили к мальчишке.

— Все будет отлично, — пообещала я ему. — Анестезия!

Мясник тукнул как надо. Мальчишка был вырублен моментально и надежно.

Как в старые добрые времена до Пирогова, который научил врачей в полевых условиях пользоваться наркозом!

И я сейчас тоже была практически в полевых условиях...

— Вот и отлично, — приговаривала я, уже без опаски щупая рану. — Вот и славно. Сестра, бинтов!

Рози на удивление не боялась крови. И не задавала ни единого вопроса. Все-таки, мачеха здорово вышколила ее, как прислугу...

Она тотчас прискакала с бинтом наперевес. И не спросила, почему я называю ее сестрой.

Я, смочив его в спирту, как следует оттерла кожу мальчишки от крови.

— Отлично!

Кишечник был не поврежден. Это самое главное.

Рана большая, длинная. Но ровная. Бык словно решил мальчишке аппендикс удалить, полоснул внизу живота.

Вправить кишечник было делом минуты.

— Сестра, спирта!

Я подставила Рози окровавленные руки, и она щедро плеснула спирта мне в ладони.

— Шипцы и иголку!

Ужасно неудобно работать без перчаток. Руки скользят.

Но я утешала себя тем, что швов надо совсем немного.

— Нет крючков, вот черт... Вымойте руки спиртом, — резко велела я отцу мальчишки, — и вставьте пальцы в рану. Вот тут и тут.

— З... зачем?! — выдохнул он.

— Мне надо сшить мышцы. Их нужно видеть. Поэтому кожу следует оттянуть.

— Н... не могу!

— Эх вы! Вы же мясник!

— Не могу!!!

— Я могу, — тут же вклинился Кристиан. — Покажете, как надо?

— Валяй, Синеглазка, — рыкнула я. — Только живо!

Руки у него были красивые. Пальцы длинные, холеные. Тонкие, но сильные. Белые манжеты, дорогие запонки. Дорогой костюм.

— Сейчас будешь как мясник на бойне, красавчик...

— Переживу, — ответил он кратко.

Когда я брала его за руку, показывая, что надо делать, я ощутила его силу и уверенность. И страха в нем не было. То, что надо.

Когда он растянул рану, края ее сошлись, и я взялась за иглу с нитками из воловьих жил. Игла была не очень удобная. Недостаточно изогнутая. Вместо зажима — допотопные неудобные щипцы.

Но я умудрилась воткнуть иглу с первого раза куда надо и протянуть первый стежок.

— Держи ровно, Синеглазка. Не двигай руками. И даже не дыши.

Завязывать узел тоже пришлось руками. Вторых щипцов для этого у горе-доктора в коробке не оказалось.

— Он вообще ими пользуется?! — рычала я. — Или это такой экзотический жилой комплекс для пауков?!

Пот градом катился от напряжения у меня по лбу. Но первый узел я завязала мастерски!

— Сестра!

Я склонилась к Розе.

У меня все лицо просто плыло.

И девочке не надо было пояснять, что делать. Она сама, без подсказок, быстро отерла мне лоб куском бинта.

И снова плеснула спирта на мои руки, смыть липкую кровь.

— Спасибо, Роза. Второй стежок. Синеглазка, пальцы шире, кому было сказано! И не дышать!

Да, язвить и обзывать — это моя операционная привычка. Словно пар лишний выпускаю...

Кристиан молча подчинился.

После второго стежка я пришла в себя окончательно.

Ослепившая меня красота Кристиана отошла на второй план.

Включилась и заработала на полную мощь профессиональная внимательность. Даже пойманный синий любопытный взгляд не поколебал моего спокойствия.

— Не глазеть, Синеглазка! Смотри на рабочее поле! Все, что важно — там, а не то, что у меня на лбу!

После третьего стежка я пощупала у мальчишки пульс, и четвертый стежок был уже почти идеальным.

— Ох, парень. Живот у тебя будет похож на вспаханное поле. Извини, но чем могу...

Пятый стежок.

Неудобно. Руки скользкие.

— Сильнее, — рычу я на помощника, стараясь добраться до места, где следует сделать прокол. Кристиан натягивает кожу, я колю. Тяну нить, осторожно, чтоб не порвалась, и облегченно выдыхаю, когда понимаю, что живот мальчишки закрыт.

— Хорошо. Кетгут можно убрать. Берем шелк. Руки из пациента уберите! В этом больше нет нужды.

Кристиан вынимает пальцы, растягивавшие прежде рану. Краем глаза замечаю, как Роза дает ему бинты, и он неспешно ими оттирается.

Никакой брезгливости в жестах.

Никакой спешки.

По-деловому и спокойно.

Ай, какой молодец Кристиан! Еще очко в копилку твоей неотразимости. Хотя неотразимее больше некуда!

Шелковые нити у докторишки черные. Не отбеленные хлором.

— Прочные, ну, надо же...

Шить кожу намного легче.

Крови уже нет.

Роза по моему кивку то и дело промокала рану, и к концу операции та была почти суха.

— А из тебя будет толк! — привычно снисходительно хвалю я ребенка.

И только потом спохватываюсь.

Словно вываливаюсь из своей операционной и снова оказываюсь тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.